

ДУГЛАС КЕННЕДИ

Женщина из Тяжелого округа

США,
ЕВРОПА:
БЕСТСЕЛЕР
#1

«Кеннеди принадлежит к редкой породе писателей-мужчин, которые умеют говорить с женщинами, помогая им проникнуть в тайны сильной половины человечества».

Cosmopolitan

Дуглас Кеннеди

Женщина из Пятого округа

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658002

Женщина из Пятого округа / Д. Кеннеди ; [пер. с англ. И. А.

Литвиновой]. : РИПОЛ классик; Москва; 2011

ISBN 978-5-386-03744-4

Аннотация

Гарри Рикс – человек, который потерял все. Одна «романтическая» ошибка стоила ему семьи и работы. Когда разразился скандал, разрушивший его жизнь, Гарри сбежал... в Париж.

Он влачит жалкое существование в одном из убогих кварталов французской столицы и считает, что его уже никто и ничто не спасет. Но совсем неожиданно в жизнь Гарри приходит любовь...

Однако Маргит, одинокая, элегантная и утонченная венгерская эмигрантка, пленившая его воображение, держит дистанцию. Гарри оскорблен тем, что она принимает его исключительно в своей квартире в Пятом округе Парижа всего два раза в неделю.

Впрочем, недовольство Гарри вскоре отступает на второй план. Его все чаще посещает мысль о том, что вместе с любимой в его жизнь вошла какая-то темная сила...

Действие новой книги известного американского писателя Дугласа Кеннеди, разворачивающееся в декорациях неожиданного Парижа, захватывает читателя с первой страницы. Этот роман об изгнании и мести, в котором так трудно отличить вымысел от зловещей реальности, будоражит воображение и подтверждает репутацию Дугласа Кеннеди как истинного мастера.

Содержание

1	6
2	20
3	31
4	61
5	76
6	87
7	116
8	126
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Дуглас Кеннеди

Женщина из Пятого округа

Франку Кельцу

Все, что она рассказала комиссару, было правдой, но истина порой является самой крупной ложью.

Жорж Сименон, «Бегство господина Монда»

Douglas Kennedy
The Woman in the Fifth

Перевод с английского И. А. Литвиновой

© Douglas Kennedy, 2007

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2011

1

В тот год все в моей жизни рухнуло, и я перебрался в Париж.

Я оказался в этом городе сразу после Рождества. Было сырое хмурое утро: небо цвета грязного мела, дождь, зависающий мутной пеленой. Мой рейс приземлился с рассветом. Все эти долгие часы в небе над Атлантикой я так и не сомкнул глаз – очередная бессонная маета, как будто мало мне было разбитых ночей, наполненных страданиями...

Уже на земле, у трапа, меня повело в сторону – возникло ощущение полной потери ориентации, и, пока коп в будке паспортного контроля допытывался, долго ли я пробуду во Франции, самым главным для меня было сохранить равновесие.

– Точно не могу сказать, – ответил я, с горечью сознавая, что язык опережает мозги.

Полицейский взглянул на меня настороженно, ко всему прочему я объяснялся с ним по-французски.

– Вы не можете сказать? – переспросил он.

– Две недели, – быстро поправился я.

– У вас есть обратный билет в Америку?

Я кивнул.

– Покажите его, пожалуйста, – попросил он.

Я протянул билет. Коп внимательно изучил его, обратив

особое внимание на дату вылета.

– Почему вы так странно ответили? – заинтересовался он. – Ведь у вас есть доказательство: вы вылетаете 10 января.

– Я... Просто я не подумал, – бросил я, стараясь придать интонации глуповатый оттенок.

– *Evidemment*¹ – сухо заметил он, шлепнул отметку в паспорте, вернул его мне и кивком головы пригласил следующего пассажира.

Я направился к стойке выдачи багажа, мысленно ругая себя за то, что спровоцировал расспросы о планах моего пребывания во Франции. Но ведь я сказал правду. Я действительно не знал, как долго здесь задержусь. И обратный билет, приобретенный в последний момент на интернет-сайте, где предлагался дешевый тариф при покупке двухнедельного тура, скорее всего, сразу после 10 января окажется в мусорной корзине. Я не собирался возвращаться в Штаты – во всяком случае, в обозримом будущем.

Ведь у вас есть доказательство.

С каких это пор доказательство служит подтверждением истины?

Забрав чемодан, я едва устоял перед искушением махнуть в Париж на такси. Мой бюджет был слишком скромным, чтобы оправдать такую роскошь. Пришлось воспользоваться поездом, семь евро в один конец. В поезде было грязно – пол вагона замусорен, липкие сиденья провоняли вче-

¹ Очевидно. – Здесь и далее пер. с фр.

рашним пивом. За окном мелькали мрачные промышленные пригороды и силуэты дешевых многоэтажек. Я закрыл глаза и задремал. Разбудил меня резкий толчок, возвестивший о том, что поезд прибыл на Северный вокзал. Следуя инструкциям, присланным из отеля по электронной почте, я перешел на другую платформу и зашел в *métro*, приготовившись к долгому путешествию до станции с ароматным названием Жасмин.

На выходе из *métro* меня снова встретило промозглое утро. Дождь разошелся не на шутку. Низко опустив голову, я катил свой чемодан по длинной узкой улочке. Через некоторое время я повернул налево, на улицу Ля Фонтен, а потом направо, на улицу Франсуа Милле. Отель «Селект» находился на углу напротив. Его рекомендовал мне коллега по колледжу, где я когда-то преподавал, – единственный, кто еще со мной разговаривал. Он сказал, что «Селект» чистый, простой и дешевый и к тому же расположен в тихом жилом квартале. Только вот не предупредил, что в день моего приезда дежурный портье окажется такой говнюк.

– Доброе утро, – сказал я. – Меня зовут Гарри Рикс. У меня забронирован номер на...

– *Sept jours*, – произнес он, оторвавшись от компьютера на рабочем столе. – *La chambre ne sera pas prete avant quinze heures*².

Портье проговорил все это очень быстро, и я мало что по-

² Семь дней. Комната будет готова не раньше трех часов пополудни.

нял.

– *Désolé, mais... euh... je n'ai pas compris...*³

– Для регистрации приходите в три часа, – повторил он опять-таки по-французски, но медленно, едва ли не по слогам, и таким громким голосом, будто я был глухой.

– Но до трех еще целых полдня!

– Регистрация в три, – сказал он, указывая на табличку, вывешенную на стене возле почтового ящика.

Я успел заметить, что только в двух из двадцати восьми ячеек не было ключей от номеров.

– Да ладно, наверняка у вас есть свободная комната...

Он снова указал мне на табличку и ничего не ответил.

– Вы хотите сказать, что у вас нет *ни одной* готовой комнаты?

– Я хочу сказать, что регистрация в пятнадцать ноль-ноль.

– А я говорю вам, что падаю от усталости и был бы очень признателен, если...

– Не я устанавливаю правила. Оставляйте свой багаж и приходите к трем часам.

– Пожалуйста, войдите в мое положение...

Портье пожал плечами, на его губах промелькнуло подобие усмешки. Тут зазвонил телефон. Он взял трубку, воспользовавшись возможностью показать мне спину.

– Думаю, я найду другой отель, – сказал я.

Парень, прервав разговор, бросил через плечо:

³ Прошу прощения, но... эээ... я не совсем понял...

– Тогда вам придется заплатить неустойку за ночь проживания. Для отмены брони мы требуем уведомления за сутки.

Еще одна слабая усмешка, которую мне захотелось стереть с его физиономии кулаком.

– Куда я могу поставить свой багаж? – спросил я.

– Вон туда. – Портье указал на дверь рядом со стойкой регистрации.

Подкатив туда чемодан, я снял с плеча сумку с компьютером и предупредил:

– Здесь мой лэптоп, так что, пожалуйста...

– Не волнуйтесь, все будет в порядке, – кивнул он. – *A quinze heures, monsieur*⁴.

– И куда мне сейчас податься? – спросил я.

– *Aucune idée*⁵, – бросил он в ответ, возвращаясь к прерванному разговору.

В начале девятого утра, в воскресенье, да еще в конце декабря, идти было совершенно некуда. Я слонялся взад-вперед по улице Франсуа Милле в поисках открытого кафе. Но кругом как будто все вымерло, на многих дверях висели таблички *Fermeture pour Noël*⁶.

Квартал был сугубо жилым – дома старой постройки с вкраплениями образцов уродливой школы брутализма семидесятых, но даже современные здания выглядели довольно

⁴ В три часа, мсье.

⁵ Понятия не имею.

⁶ Закрыто на Рождество.

дорого; редкие машины, припаркованные вдоль улицы, намекали на эксклюзивный статус этого уголка города, который явно не просыпается в такую рань.

Дождь стих, сменившись коварной моросью. Зонта у меня не было, и я вернулся к станции Жасмин, где, спустившись в *métro*, купил билет. Когда прибыл поезд, я сел в него, сам не зная, куда еду. Это была моя вторая поездка в Париж. Впервые я побывал здесь в середине восьмидесятых, летом, перед поступлением в магистратуру. Провел неделю в дешевом отеле неподалеку от бульвара Сан-Мишель и, кажется, обошел все кинотеатры в той части города. Помню, там было маленькое кафе «Ле Рефлэ», как раз напротив парочки киношек, затерянных на задворках улицы... как же, черт возьми, она называлась? Впрочем, неважно. Кафе было дешевое, и, помнится, там можно было позавтракать, так что...

Беглое изучение карты *métro* на стене вагона, пересадка на Мишель-Анж Молитор, и спустя двадцать минут я вышел на станции Клуни-Ля Сорбон. Хотя прошло более двадцати лет с тех пор, как я в последний раз выходил из *métro* на этой станции, дорога к кинотеатру не забылась. Я инстинктивно отыскал бульвар Сан-Мишель, а потом и улицу Дез-Эколь. При виде навесной маркизы кинотеатра «Ле Шампо» (на сей раз она рекламировала фестиваль фильмов Витторио Де Сика и Дугласа Сирка) я не смог сдержать улыбки. Не стирая улыбки с лица, я дошел до закрытых дверей кинотеатра, оглядел улицу Шампольон – вот как она называ-

лась, — увидел два других кинотеатрика, поднимавшихся над мокрой мостовой, и подумал *«Не бойся, старина, призраки прошлого все еще живы»*.

Но в девять утра все кинозалы были закрыты, как и кафе «Ле Рефлэ». *Fermeture pour Noel — Закрыто на Рождество.*

Я не нашел ничего лучшего, как вернуться на бульвар Сан-Мишель, и неспешно побрел к реке. Париж после Рождества и впрямь вымер. Работали разве что закусочные фаст-фуда, оккупировавшие прилегающие улицы; своими неоновыми вывесками они обезобразивали архитектурный стиль бульвара. Пусть я отчаянно нуждался в укрытии от дождя, сама мысль о том, чтобы начать свое пребывание в Париже с безликого «Макдоналдса», мне была ненавистна. Поэтому я упорно шел вперед, пока не набрел на первое приличное кафе, которое оказалось открытым. Оно называлось «Ле Депар» и располагалось на набережной с видом на Сену. По пути мне попался газетный киоск, где я выудил свежий номер «Парискоуп» — рекламного еженедельника «Что идет в Париже», который в далеком восемьдесят пятом был для меня библией киномана.

В кафе было пусто. Я занял столик у окна и заказал большой чайник с чаем, чтобы побороть озноб, который все настойчивее одолевал меня изнутри. Потом раскрыл «Парискоуп» и начал прочесывать киноафишу, планируя мероприятия на неделю. Когда на глаза попалась реклама ретроспективы фильмов Джона Форда в «Аксьон Эколь» и всех коме-

дий студии «Илинг» в «Ле Рефлэ Медичи», я испытал то, чего не было в моей жизни на протяжении последних нескольких месяцев: удовольствие. Мимолетное напоминание о том, каково это — *не думать* о... да, собственно, *ни о чем* из того, что занимало мои мысли с тех пор, как...

Нет, не стоит туда возвращаться. Во всяком случае, сегодня.

Я выудил из кармана маленький блокнот и свою любимую авторучку. Это был великолепный красный «Паркер» образца 1925 года: подарок на мое сорокалетие, случившееся два года назад, от моей бывшей жены, в ту пору еще настоящей. Сняв колпачок, я принялся переписывать расписание. Это был мой примерный распорядок на ближайшие шесть дней, когда по утрам я мог бы заниматься обустройством своей здешней жизни, а все остальное время проводить в темных кинозалах за просмотром любимых фильмов. *«Что так привлекает людей в кино?»* — обычно спрашивал я своих студентов на вступительной лекции в начале осеннего семестра. — *Возможность оказаться в том месте, где происходит имитация жизни? Но тогда получается, что кино — это убежище, где на самом деле нельзя укрыться, потому что вы смотрите на мир, из которого стремитесь вырваться»*. Но даже сознавая, что от действительности не сбежать, мы все равно пытаемся это сделать. Вот почему некоторые в последний момент прыгают в самолет, улетающий в Париж, оставляя после себя осколки совершенных ошибок...

Свой чайник я мучил около часа, мотая головой всякий раз, когда подходил официант и спрашивал, «не желает ли мсье что-то еще». Наконец выпита была последняя чашка. Разумеется, чай давно остыл. Я знал, что мог бы просидеть в кафе все утро и никто бы меня не напрягал. Но, продолжай я так же тупо сидеть с пустым чайником на столе, у меня самого возникло бы ощущение, что я лодырь и бездельник, столько времени занимающий место... пусть даже в кафе я и был единственным посетителем.

Дождь за окном все моросил. Я посмотрел на часы. До регистрации в отеле оставалось пять часов. Выход был только один. Снова перелистав «Парискоуп», я обнаружил, что есть огромный киноцентр в «Лез Алль», где начинают крутить фильмы с девяти утра. Блокнот и авторучка вернулись обратно в карман. Я схватил пальто, оставил на столе четыре евро, вышел на улицу и рванул к *métro*. До «Лез Алль» нужно было проехать две остановки. Следуя указателям, я двинулся к некоему «Форуму»; это был унылый бетонный торговый центр, спрятанный глубоко под парижской зелллей. В киноцентре оказалось пятнадцать залов, и это напомнило мне типичный американский мультиплекс в каком-нибудь пригородном молле. В репертуаре значились все рождественские американские блокбастеры, поэтому я выбрал фильм французского режиссера, мне не знакомого. До начала сеанса было еще двадцать минут, которые предстояло убить за просмотром глупых рекламных роликов.

Но вот начался фильм. Он был долгий и болтливый – но я старался не терять нить. Действие по большей части разворачивалось в слегка обветшалом, но стильном уголке Парижа. Парень лет тридцати с небольшим по имени Матьё преподавал философию в лицее, но (вот уж сюрприз так сюрприз!) пытался писать роман. Еще была его бывшая жена Матильда – не очень успешная художница, которая жила в тени своего отца Жерара. Известный скульптор, ныне он сожительствовал со своей ассистенткой Сандрин. Матильда ненавидела Сандрин за то, что та была на десять лет моложе ее. Матьё явно недолюбливал Филиппа, преуспевающего бизнесмена-программиста, с которым спала Матильда. Однако Матильде нравилась щедрость Филиппа, хотя его интеллект приводил ее в ужас (*«Человек никогда не читал Монтеня...»*).

Фильм начинался с того, что Матьё и Матильда сидят на кухне, пьют кофе, курят и разговаривают. Следующая сцена разворачивалась уже с участием Сандрин, позирующей обнаженной для Жерара в его загородной мастерской под аккомпанемент музыки Баха. Наступил перерыв в сеансе. Девушка накидывает одежду. Они со скульптором пьют кофе, курят и разговаривают в его огромной кухне. Потом была сцена в баре дорогого отеля. Матильда встретилась с Филиппом. Они сидят на диване, пьют шампанское, курят и разговаривают...

И так бесконечно. Разговоры... Разговоры... И снова раз-

говоры. Мои проблемы. Его проблемы. Твои проблемы. И кстати, *la vie est inutile*⁷. Примерно через час я потерпел поражение в борьбе с джет-лэгом и недосыпом. Иначе говоря, я просто вырубился. Когда очнулся, Матильда с Филиппом по-прежнему сидели в баре отеля, пили шампанское, курили и... *Постойте, разве этой сцены не было?* Я изо всех сил пытался держать глаза открытыми. Но безуспешно. А дальше...

Что за черт?

Снова мелькали уже знакомые начальные кадры – Матьё и Матильда сидят на кухне, пьют кофе, курят и разговаривают. И...

Я потер глаза, поднял руку, попытался взглянуть в циферблат наручных часов, но перед глазами все расплывалось. Постепенно сквозь мутную пелену проступили цифры: 4... 4... 3.

Четыре сорок три?

О боже, сколько же я проспал...

Во рту была пергаментная сухость, горчило. Сглотнув, я ощутил вкус желчи. Шея затекла так, что я не мог двинуть головой. Рубашка была мокрой от пота. Пот струился и по лицу. Я поднял руку и прижал пальцы ко лбу. Лоб полыхал. Тогда я попытался встать. Но мне это не удалось. Казалось, каждая клеточка тела отзывалась болью. Температура скакала – тропический жар сменялся околорктическим ознобом.

⁷ Жизнь бесполезна.

Когда я предпринял очередную попытку подняться, колени подкосились, но мне все-таки удалось сделать поступательное движение, которое помогло выбраться из прохода и кое-как доковылять до двери.

Туман перед глазами не рассеялся, даже когда я оказался в вестибюле. Смутно помню, как прошел мимо кассы, потом блуждал по каким-то коридорам, прежде чем отыскать лифт и в конце концов выгрузиться на улицу. Но мне совсем не хотелось оставаться на улице. Я рвался в *métro*. До сих пор не пойму, почему же я все-таки оказался наверху, вместо того чтобы спуститься под землю?

В нос мне ударил запах фастфуда. Промелькнула мысль: уж не занесло ли меня на Ближний Восток? Вскоре, однако, стало понятно, что я оказался в месте скопления дешевых забегаловок. В палатке прямо напротив меня пузатый араб жарил фалафель. Рядом на вертеле крутилась почерневшая от огня баранья нога. Она была в прожилках варикозных вен (разве у баранов бывает варикоз?). Под вертелом лежали куски пиццы, очень похожие на пенициллиновые культуры. Мутило от одного взгляда на них. В сочетании с парами от фалафели это было убийственно, я почувствовал, что меня вот-вот стошнит. Так оно и случилось. Согнувшись, я изрыгнул рвоту, щедро забрызгав собственные ботинки. Из соседнего кафе донеслись истошные крики официанта – что-то насчет того, что я свинья и отпугиваю его посетителей. Я не удостоил его ни ответом, ни извинениями. Просто отошел

в сторону. Перед глазами по-прежнему был туман, но мне удалось различить в нем пластиковые вентиляционные трубы Центра Помпиду, до которого было рукой подать. Мне повезло – у маленького отеля по ходу моего движения оставилось такси. Когда пассажиры вышли, я юркнул к машине. Мне удалось озвучить адрес отеля «Селект», после чего я рухнул на сиденье, и меня снова охватил жар.

Обратная дорога была сущим кошмаром. Выныривая из темноты беспамятства, я выслушивал нудные жалобы таксиста о том, что мои облеваннные ботинки пачкают ему салон. *Провал.* Опять бурчание водителя. *Провал.* Пробка – в мутном от дождя стекле расплываются огни фар всех оттенков желтого. *Провал.* Снова желтый свет, и снова бестолковый треп таксиста. Сначала он прошелся по водителям, которые нахально занимают полосу общественного транспорта, потом напыщенно заявил, что, будь его воля, он бы ни за что не посадил к себе в машину выходцев из Северной Африки и уж конечно меня, если снова увидит на улице, точно объедет стороной. *Провал.* Звук открывающейся дверцы. Чья-то рука, помогающая мне выйти из машины. Голос, шепчущий на ухо, что с меня двенадцать евро. Я послушно полез в карман за бумажником. Фоном звучал чей-то диалог. Я привалился к дверце машины в поисках опоры, поднял лицо к небу и почувствовал капли дождя. Колени подкосились, я стал оседать на землю.

Провал.

Очнулся я в постели. В глаза бил резкий луч света. Раздался щелчок, и свет погас. Когда мой взгляд сфокусировался, я увидел, что рядом на стуле сидит мужчина, на его шее болтается стетоскоп. У него за спиной маячила еще одна фигура – но ее скрывала тень. Я почувствовал, как мне задирают рукав и чем-то смачивают кожу. Острый укол – игла вошла в вену.

Провал.

2

В глаза снова бил свет. Но уже не такой ослепительный луч, как в прошлый раз. Нет, это был мягкий утренний свет; его полоска лежала на моем лице, возвращая мыслями к тому, что...

А где, собственно, я нахожусь?

Вскоре комната приобрела очертания. Четыре стены. Потолок. Ну, для начала неплохо. Постепенно перед глазами прорисовались голубые обои на стенах и пластиковая люстра под потолком. Тоже голубого цвета. Я скользнул взглядом вниз. На полу лежал голубой ковер. Я заставил себя приподняться и сесть. Кровать была двуспальная. Простыни – влажные от моего пота – отдавали голубизной. Махровое покрывало, в двух местах прожженное сигаретой, – голубое. Передняя спинка кровати обита нежно-голубой материей...

Это что, запоздалый рецидив от ЛСД? Наказание за первый и единственный опыт баловства с галлюциногенами в восемьдесят втором?..

У кровати стоял ночной столик. Не голубой. *Все нормально. Значит, я не окончательно свихнулся.* На столике бутылка воды и лекарства. Чуть дальше у стены небольшой письменный стол. И на нем лэптоп. *Мой лэптоп.* К столу был придвинут узкий металлический стул. С голубым сиденьем. *О нет, только не это!* Мои голубые джинсы и голубой сви-

тер висели на спинке стула. В комнате имелся и маленький платяной шкаф – ламинированный под дерево, так же как и столы. Дверцы шкафа были открыты, на плечиках я увидел несколько пар брюк, рубашки и единственный пиджак, которые я забросил в чемодан пару дней назад, когда...

Неужели это было два дня назад? Или, вернее, какое сегодня число? И как я оказался в этой голубой комнате? Если и был цвет, который я ненавидел, так это именно этот. И...

Раздался стук в дверь. Не дожидаясь ответа, в комнату вошел мужчина с подносом в руках. Его лицо показалось мне знакомым.

– *Bonjour*, – сухо произнес он. – *Voici le petit déjeuner*⁸.

– Спасибо, – пробормотал я по-французски.

– Мне сказали, что вам стало плохо.

– В самом деле?

Мужчина поставил поднос на кровать. Наконец я узнал его. Это дежурный портье, который послал меня в день приезда в тот отель...

Нет, в этот отель. «Селект». Куда ты попросил таксиста привезти тебя вчера вечером, после того как...

Все стало приобретать смысл.

– Так записал Аднан.

– Кто такой Аднан? – спросил я.

– Ночной портье.

– Я не помню, чтобы мы с ним встречались.

⁸ Доброе утро. Ваш завтрак.

– Но он, судя по всему, с вами встречался.

– Я что, был совсем плох?

– Ну, наверное, если не помните. Впрочем, это всего лишь мое предположение, ведь меня там не было. Врач, который вас осматривал, придет сегодня в пять. И тогда все прояснится. Но это зависит от того, будете ли *вы* здесь в это время. Я включил вам в счет и завтрашний день, *monsieur*, полагая, что в таком состоянии вам, скорее всего, захочется задержаться в этом номере. К сожалению, вашу кредитную карту не приняли. Недостаточно средств.

Меня это не удивило. Моя «Visa» была исчерпана, в отеле я регистрировался, зная, что мне удастся выжать из нее кредит максимум на две ночи проживания, и погасить давно просроченную задолженность нечем. Но все равно эта новость меня встревожила. Потому что вернула к угнетающей мысли о безнадежности ситуации: все пошло наперекосяк, и вот теперь я, словно потерпевший кораблекрушение, выброшен на мель убогого отеля, далеко от дома...

Но как ты можешь говорить о доме, когда его больше нет, когда его, как и все остальное, у тебя отняли?

– Недостаточно средств? – переспросил я, стараясь разыграть удивление. – Как это возможно?

– *Как это возможно?* – невозмутимо произнес он. – Да очень просто.

– Даже не знаю, что сказать.

Мужчина пожал плечами:

– Что тут скажешь, кроме одного: может, у вас есть еще одна кредитка?

Я покачал головой.

– В таком случае как вы собираетесь расплачиваться за номер?

– Дорожными чеками.

– Годится – при условии, что они действительны. У вас «Америкой Экспресс»?

Я кивнул.

– Отлично. Тогда я свяжусь с «Америкой Экспресс». Если они подтвердят, что чеки действительны, вы можете остаться. Если нет...

– Пожалуй, будет лучше, если я съеду, – сказал я, зная, что мой бюджет не выдержит многодневного проживания в отеле.

– Вам решать. Расчетный час – одиннадцать утра. У вас чуть больше двух часов, чтобы освободить номер.

Он развернулся к двери, а я подался вперед, пытаюсь дотянуться до круассана на подносе с завтраком. Сил не хватило даже для этого, и я измученно рухнул на подушки. Лоб все еще горел. Выбраться из постели было равносильно виртуозному военному маневру. Мне оставалось смириться с мыслью, что я ни на что другое не способен – только лежать.

– *Monsieur*... – слабым голосом позвал я.

Портье обернулся.

– Да?

– Дорожные чеки должны быть в моей сумке.

На его губах заиграла улыбка. Он подошел к шкафу, достал сумку и вручил ее мне. При этом он напомнил, что номер стоит шестьдесят евро за ночь.

Я открыл сумку и нащупал пачку дорожных чеков. Выудил две бумажки: на пятьдесят и двадцать долларов. Подписал обе.

– Нужно еще двадцать, – сказал он. – В долларах будет стоить девяносто.

– Какой-то грабительский обменный курс, – возразил я.

Портье опять невозмутимо пожал плечами:

– По этому курсу мы работаем. Если хотите, можете спуститься вниз и проверить...

Да я сидеть с трудом могу, не говоря уже о том, чтобы спуститься вниз.

Пришлось достать еще один чек на двадцать долларов. Подписать и его. И швырнуть на постель.

– Вот, держите.

– *Très bien, monsieur*⁹, – сказал он, схватив чек. – Все необходимые данные я возьму из вашего паспорта. Он у нас, внизу.

Но я не помню, чтобы отдавал вам свой паспорт. Я вообще ничего не помню.

– Я позвоню вам, как только «Америкэн Экспресс» под-

⁹ Очень хорошо, мсье.

твердит, что дорожные чеки действительны.

– Они действительны.

Еще одна подобоострастная улыбка.

– *On verra.* Поживем – увидим.

Портье ушел. Я откинулся на подушки, чувствуя себя выжатым до предела. Лежал и тупо смотрел в потолок, словно загипнотизированный его голубой пустотой, мечтая раствориться в ней...

Потом мне захотелось в туалет. Я попытался приподняться и спустить ноги на пол. Ни сил, ни воли... На ночном столике, кроме бутылки с водой, стояла ваза, в ней голубые гардении из пластика. Я схватил вазу, вытащил цветы и бросил их на пол, стянул трусы-боксеры, опустил пенис в вазу и помочился. Облегчение пронзило меня сладостной болью. Столь же пронзительной была и мысль: *какое жалкое зрелище.*

Зазвонил телефон. Это был портье.

– Чеки приняли. Вы можете остаться.

Как любезно с вашей стороны.

– Мне звонил Аднан. Он интересовался, как вы себя чувствуете.

Ему-то какое дело?

– Еще он просил передать, чтобы вы принимали по таблетке из каждой коробочки на ночном столике. Это предписание врача.

– А что это за таблетки?

– Я не врач, *monsieur*.

Положив трубку, я принялся рассматривать коробочки и ампулы, пытаюсь прочесть названия лекарств. Ни одно из них не было мне знакомо. Но тем не менее я сделал то, что велел портье: достал по таблетке из каждой коробки (всего их было шесть), положил в рот и запил большими глотками воды.

Очень скоро я снова отключился – провалился в бесконечную пустоту, где не было места ни мыслям, ни ощущению времени, прошлого и настоящего, не говоря уже о дне завтрашнем. Это было как предвкушение смерти, которой однажды суждено будет схватить меня за горло, избавив от необходимости просыпаться по утрам.

Дзинь...

Телефон. Я снова был в голубой комнате и пялился в вазу, полную мочи. Часы на ночном столике показывали двенадцать минут шестого. Сквозь шторы пробивался свет уличного фонаря. День угас. Телефон не умолкал. Я снял трубку.

– Пришел врач, – объявил господин Портье.

У врача была сильная перхоть и обгрызенные ногти. Его костюм настоятельно требовал глажки. На вид лет пятидесяти, с обвислыми усами и редющей шевелюрой, он смотрел на мир глубоко запавшими глазами, и я, как человек, измученный бессонницей, сразу угадал в нем товарища по несчастью.

Он придвинул к кровати стул и спросил, говорю ли я по-

французски. Я кивнул. Он жестом попросил меня снять футболку. Пока я стягивал ее, на меня пахнуло несвежим телом. Провалившись сутки в поту, я изрядно запаршивел.

Врача, казалось, ничуть не смутил мой запах – возможно, потому, что его внимание было приковано к вазе на ночном столике.

– Мочу на анализ я не просил, – сказал он, нащупывая мой пульс. Потом послушал сердце, сунул мне под язык градусник, обмотал левый бицепс манжеткой для измерения кровяного давления, осмотрел горло и осветил фонариком белки глаз.

– У вас тяжелая форма гриппа. Этот грипп часто оказывается смертельным для пожилых людей и бывает следствием серьезных проблем.

– Интересно каких?

– Могу я спросить, в последнее время вы испытывали глубокие потрясения личного характера?

Я помолчал.

– Да, – наконец изрек я.

– Вы женаты?

– Не уверен.

– То есть вы хотите сказать...

– Официально я еще женат...

– Но вы ушли от своей жены?

– Нет, скорее наоборот.

– Она ушла от вас недавно?

– Да, вышвырнула меня из дому несколько недель тому назад.

– Значит, вы не хотели уходить?

– Очень не хотел.

– Был другой мужчина?

Я кивнул.

– А ваша профессия...

– Я преподавал в колледже.

– Вы *преподавали*? – переспросил он, с акцентом на прошедшем времени.

– Я лишился работы.

– Тоже недавно?

– Да.

– Дети?

– Дочь, пятнадцать лет. Она живет со своей матерью.

– Вы с ней общаетесь?

– Я бы очень хотел этого...

– Она не желает с вами общаться?

Я помедлил с ответом. Потом выпалил:

– Она заявила, что больше не хочет меня видеть, но я чувствую, что это мать настроила ее против меня.

Он сложил руки домиком, обдумывая мои слова. Потом спросил:

– Вы курите?

– Вот уже пять лет как бросил.

– Выпиваете?

– Было дело... недавно.

– Наркотики?

– Я принимаю снотворное. Эти таблетки продаются без рецепта. Но в последнее время они мне не помогают. Так что...

– Хроническая бессонница?

– Да.

Он еле заметно кивнул, намекая на то, что и ему ведомы все прелести этого недуга. Потом объявил:

– Ваш диагноз совершенно очевиден: полный упадок сил. Организм не в силах вынести столько... *tristesse*¹⁰. Совершенно естественно, что он реагирует на такой *traumatisme* либо сопротивляясь, либо сдаваясь под натиском вирусной атаки. Грипп, который вы подцепили, проявляется в более острой форме, чем обычно, потому что ваш организм ослаблен.

– И чем же лечиться?

– Я умею лечить лишь физиологические нарушения. А грипп – один из тех вирусов, которые живут своей жизнью и диктуют свои правила. Я выписал вам некоторые *comprimés*¹¹, чтобы снять температуру, боль, обезвоживание, тошноту и бессонницу. Но вирус не покинет организм, пока, скажем так, не устанет от вас, не захочет поменять место жительства.

– И как долго это может продлиться?

¹⁰ Печаль.

¹¹ Таблетки

– Четыре, пять дней... как минимум.

Я закрыл глаза. Я не мог позволить себе остаться еще на четыре-пять дней в этом отеле.

– Но, даже когда он уйдет, вы еще несколько дней будете испытывать сильную слабость. Я бы сказал, что вы будете прикованы к постели не меньше недели.

Он поднялся.

– Я вернусь через три дня, проверю, как идет выздоровление, если к тому времени оно начнется.

Да разве возможно полностью излечиться от тех травм, что наносит жизнь?

– И последнее. Личный вопрос, если позволите. Что привело вас в Париж, одного, сразу после Рождества?

– Я сбежал.

Он задумался, потом произнес:

– Чтобы сбежать, нужно набраться смелости.

– Нет, тут вы ошибаетесь, – ответил я. – Никакой смелости для этого не нужно.

Минут через пять после ухода доктора ко мне зашел портье. В руке он держал листок. С важным видом он вручил его мне, как если бы это было судебное предписание.

– *La facture du médecin*. Счет от врача.

– Я оплачу позже.

– Он хочет, чтобы вы оплатили сейчас же.

– Он вернется через три дня. Неужели нельзя подождать?

– Ему следовало заплатить еще вчера вечером. Но вы были так больны, что мсье разрешил отложить до сегодняшнего дня.

Я заглянул в счет. Он был выписан на бланке отеля. И сумма указана совершенно фантастическая: двести шестьдесят четыре евро.

– Да вы шутите, – сказал я.

Его лицо оставалось бесстрастным.

– Это плата за услуги и за лекарства.

– Плата за услуги врача? Счет выставлен на вашем бланке!

– Все медицинские счета выставляет отель.

– И врач берет по сто евро за каждый вызов?

– Цена включает наши административные расходы.

– Которые составляют...

Он посмотрел мне в лицо.

– Пятьдесят евро за визит.

– Но это грабеж!

– Во всех отелях существуют административные расходы.

– Но не в сто процентов от цены.

– Такова наша политика.

– И вы еще вдобавок просите с меня стопроцентную наценку на лекарства?

– *Tout à fait*¹². Мне пришлось послать Аднана в аптеку за лекарствами. Это заняло час. Естественно, поскольку он потратил этот час, занимаясь внеслужебными делами, ему положена компенсация...

– *Внеслужебными делами?* Но я *гость* вашего отеля. И не пытайтесь убедить меня в том, что вы платите ночному портье по тридцать два евро в час.

Он попытался скрыть лукавую улыбку. Ему это не удалось.

– Зарботки наших служащих не подлежат разглашению...

Я скомкал счет и швырнул его на пол.

– Как хотите, но платить я не буду.

– Тогда вы можете сейчас же покинуть отель.

– Вы не вправе заставить меня съехать.

– *Au contraire*¹³, я могу выпроводить вас на улицу в пять минут. По моему приказу наши сотрудники – *notre homme à*

¹² Совершенно верно.

¹³ Напротив.

*tout faire*¹⁴ и шеф-повар – сделают это в два счета.

– Я вызову полицию.

– Вы рассчитываете взять меня на испуг? – спросил он. – Поверьте, полиция примет сторону отеля, стоит мне сказать, что мы выгоняем вас по причине сексуальных домогательств нашего шеф-повара. И шеф это подтвердит – потому что он неграмотный и к тому же мусульманин строгих правил. Пару месяцев назад я застукал его *dans une situation embarrassante*¹⁵ с нашим *homme à tout faire*. Так что теперь, опасаясь разоблачения, он скажет все, что мне нужно.

– Вы не посмеете...

– Еще как посмею. И полиция арестует вас не только за аморальное поведение, но еще и проверит вашу биографию, выяснит, почему вы покинули свою страну в такой спешке.

– Вы ничего обо мне не знаете, – произнес я, заметно нервничая.

– Возможно... но мне совершенно очевидно, что вы приехали в Париж вовсе не на каникулы... Вы просто сбежали от чего-то. Доктор сообщил мне, что вы ему в этом признались.

– Я не сделал ничего противозаконного!

– Это вам так кажется.

– Вы негодяй, – сказал я.

– Ну, это как посмотреть, – парировал он.

Я закрыл глаза. У него на руках были все козыри – и с

¹⁴ Разнорабочий.

¹⁵ В пикантной ситуации.

этим я ничего не мог поделаться.

– Дайте мне мою сумку, – попросил я.

Он послушно выполнил мою просьбу. Я достал из сумки пачку дорожных чеков.

– Двести шестьдесят четыре евро, я правильно понял?

– В долларах общая сумма составит триста сорок пять.

Я схватил ручку, подписал необходимое количество чеков и швырнул их на пол.

– Вот, – сказал я. – Сами соберете.

– *Avec plaisir, monsieur*¹⁶.

Подобрав чеки, портье сказал:

– Я приду завтра, чтобы рассчитаться за номер. Ну, это если вы пожелаете остаться.

– Как только я смогу двигаться, я тотчас уйду.

– *Très bien, monsieur*¹⁷. И кстати, спасибо, что пописали в вазу. *Très classe*¹⁸ – С этим он ушел.

Я упал на подушки взбешенный и измученный. К бешенству мне было не привыкать – с этим чувством я сжился в последнее время, мне постоянно казалось, что я вот-вот взорвусь. Но подавляемая ярость постепенно трансформируется в нечто еще более разъедающее: ненависть к самому себе... и заканчивается депрессией. Доктор был прав: я *сломался*.

¹⁶ С удовольствием, мсье.

¹⁷ Очень хорошо, мсье.

¹⁸ Высший класс!

И что будет, когда грипп наконец «сменит место жительства»? Я все равно останусь выжатым, побитым.

С этой мыслью я полез в сумку и достал оставшиеся чеки. Пересчитал их. *Четыре тысячи шестьсот пятьдесят долларов.* Все мое состояние. Все, что у меня осталось в этом мире. Я ничуть не сомневался в том, что после того, как меня демонизировали и облили грязью в прессе, адвокаты Сю-зан убедят судью, что после развода моя жена должна получить все: дом, пенсионные накопления, страховки, скромный пакет акций, приобретенный совместно. Мы не были богатыми – педагогам редко удастся разбогатеть. Доводы, которыми мог руководствоваться суд: наличие несовершеннолетней дочери, запрет на преподавательскую деятельность, вынесенный мне, бывшему мужу, – были вполне разумными, чтобы отписать жене те небольшие активы, которыми мы владели. Да у меня и сил не осталось на борьбу – разве только на то, чтобы попытаться вернуть себе расположение дочери.

Четыре тысячи шестьсот пятьдесят долларов. Еще в самолете, зажатый в узком кресле, я произвел кое-какие подсчеты на салфетке. В то время у меня еще было более пяти тысяч баксов. При нынешнем – *легальном* – обменном курсе это составляло чуть более четырех тысяч евро. Я рассчитывал, что в режиме строжайшей экономии мне удастся протянуть в Париже месяца три-четыре, с условием, что удастся подыскать дешевое жилье. Но вышло так, что уже через двое суток после приземления я потратил более четырех сотен

долларов. Судя по тому, что в ближайшие несколько дней мне из отеля не выбраться, можно мысленно распрощаться еще не с одной сотней баксов...

Усталость взяла верх, и ярость отступила. Мне захотелось пойти в ванную, содрать с себя пропотевшую футболку и трусы и постоять под душем. Но я все еще не мог подняться с постели. Поэтому остался лежать, тупо уставившись в потолок, пока снова не провалился в пустоту.

Два тихих стука в дверь. Я очнулся, перед глазами была мутная пелена. Снова раздался осторожный стук, дверь чуть приоткрылась, и чей-то голос тихо произнес:

– *Monsieur?*..

– Уходите, – сказал я. – Я не хочу с вами общаться.

Дверь распахнулась шире. За ней стоял мужчина лет сорока с небольшим. У него была рыжеватая кожа и бобрик черных волос. Он был одет в черный костюм и белую рубашку.

– *Monsieur*, я только хотел узнать, не нужно ли вам что-нибудь...

Его французский, хотя и беглый, был одобрен сильным акцентом.

– Извините, извините, – поспешно произнес я. – Просто подумал, что это пришел...

– Мсье Брассёр?

– Кто такой мсье Брассёр?

– Утренний портье.

– Значит, этого негодяя зовут *Брассёр*...

На губах человека в дверях промелькнула легкая улыбка.

– Никто не любит мсье Брассёра, разве что управляющий отелем, да и то только за то, что Брассёр – мастер *provocation*¹⁹.

– Это вы помогли мне вчера выбраться из такси?

– Да, я – Аднан.

– Спасибо за помощь и за то, что устроили меня здесь.

– Вы были очень больны.

– Но все равно, можно было и не раздевать меня, не укладывать в постель, не вызывать доктора, не распаковывать мои вещи. Это слишком любезно с вашей стороны.

Он смущенно отвернулся.

– Это моя работа, – сказал он. – Как вы себя чувствуете?

– Слабость большая. И помыться не мешало бы.

Аднан прошел в комнату. Когда он приблизился ко мне, я обратил внимание на глубокие морщины вокруг глаз – обычно из-за них человек выглядит лет на двадцать старше своих лет. Костюм был ему маловат, сидел плохо и был изрядно поношен, а на указательном и среднем пальцах правой руки отчетливо выделялись желтоватые пятна от никотина.

– Как вы думаете, вы сможете встать с постели? – спросил он.

– Если только с чьей-то помощью.

– Тогда я помогу вам. Только сначала приготовлю ванну. Вам будет полезно полежать в воде.

¹⁹ Провокация.

Я слабо кивнул. Даже не поморщившись, он взял вазу с ночного столика и исчез с ней в ванной. Я слышал, как он спустил воду в унитазе и включил оба крана. Вскоре он вернулся, скинул пиджак и повесил его на плечики в шкафу. Затем он снял со спинки стула мои джинсы и свитер и запихнул их в наволочку.

– Есть еще что-нибудь в стирку? – спросил он.

– Только то, что на мне.

Он ушел в ванную. Шум воды стих. Из-под двери струился пар. Я закрыл глаза, а когда снова открыл, Аднан стоял у кровати. Его лицо блестело от влажных испарений, правая рука была мокрой.

– Ванна горячая, но не слишком.

Он помог мне сесть, потом приподнял, подхватив под мышками. Одеревеневшие ноги отказывались гнуться. Тем не менее ему удалось довести меня до ванной.

– Вам помочь раздеться?

Я помотал головой, но стоило мне оторваться от раковины, как меня качнуло. Если бы не Аднан, я бы наверняка упал. Он тихо попросил меня держаться одной рукой за раковину, а другую вытянуть вверх. Мне удалось продержаться в таком положении, пока он стягивал футболку – сначала с поднятой руки, потом через голову и, наконец, с другой руки. Ловким движением он спустил с меня трусы, и они упали на пол. Я переступил через них и позволил Аднану подвести меня к ванне. Вода показалась обжигающе горячей, я даже

отдернул ногу, когда коснулся ее поверхности. Но мой помощник осторожно подталкивал меня вперед. Первоначальный шок уступил место странному ощущению обволакивающего спокойствия.

— Вам помочь помыться?

— Я попытаюсь сам.

Мне удалось намылить между ног, грудную клетку и подмышки, но дотянуться до ступней не хватило сил. Взяв мыло, Аднан сам занялся ими. Вымыв ноги, он снял душевой шланг, намочил мне голову и полил волосы шампунем. Затем, отыскав среди туалетных принадлежностей крем для бритья и бритву, он встал на колени и принялся намыливать мне лицо.

— Не стоит возиться со мной... — запротестовал я, смутившись от такого внимания к собственной персоне.

— Вам станет намного легче.

Станок прошелся по моему лицу с величайшей осторожностью. Закончив бритье, Аднан окатил меня душем, смывая пену и шампунь. Потом он наполнил раковину горячей водой, смочил в ней салфетку и, не отжимая, положил мне на лицо.

— А теперь просто лежите минут пятнадцать, я выйду пока.

Глаза закрывала белая пелена салфетки. Я попытался отвлечься, не думать ни о чем. Безуспешно. Вода, однако, ласкала, баюкала, и было приятно снова чувствовать себя чи-

стым. Из комнаты изредка доносились какие-то звуки, но Аднан не нарушал мой покой довольно долго.

Наконец он тихо постучал в дверь:

– Готовы?

Ему снова пришлось помогать мне – на сей раз выбирать-ся из ванны. После этого он завернул меня в тонкое полотенце и вручил два сложенных предмета одежды.

– Я нашел это в ваших вещах. Пижамные брюки и футболка.

Я кое-как вытерся насухо, с трудом оделся, и Аднан проводил до постели. От свежих простыней веяло приятной прохладой. Аднан поправил мне подушки, чтобы я мог сесть, привалившись к спинке кровати. После этого он взял с письменного стола поднос и аккуратно поставил передо мной. На подносе были супница, миска и маленький багет.

– Это очень нежный *bouillon*²⁰, – сказал он, наливая миску. – Вы должны поесть.

В моих руках оказалась ложка.

– Помочь? – спросил он.

Я был в состоянии есть сам – и жидкий *bouillon* действительно придал сил. Мне даже удалось съесть почти весь багет – голод оказался сильнее апатии, которая еще недавно порождала совсем другие желания: просто *лечь и умереть*.

– Вы слишком добры ко мне, – произнес я.

Аднан смущенно склонил голову.

²⁰ Бульон.

– Это моя работа, – произнес он и, извинившись, вышел. Но буквально тут же вернулся – на этот раз с подносом, на котором стояли чашка и чайник.

– Я приготовил вам настой *verveine*²¹, – сказал он. – Он поможет вам уснуть. Но прежде вы должны принять все лекарства.

Он вытащил нужные таблетки и протянул стакан воды. Я по одной проглотил их. Потом выпил травяного чаю.

– Вы завтра вечером работаете? – спросил я.

– Я начинаю в пять.

– Хороню. Никто еще не был так добр ко мне, с тех пор как...

Устыдившись этой жалостливой реплики, а заодно пытаюсь подавить подкатившие рыдания, я прикрыл лицо рукой. Всхлипывания помог избежать глубокий вздох. Убрав руки с лица, я увидел, что Аднан внимательно смотрит на меня.

– Прошу прощения...

– За что? – спокойно спросил он.

– Сам не знаю... Наверное, *за все*.

– Вы здесь один, в Париже?

Я кивнул.

– Это тяжело, – сказал он. – Я знаю.

– Откуда вы родом?

– Из Турции. Маленькая деревенька в сотне километров от Анкары.

²¹ Вербена.

– И сколько лет уже в Париже?

– Четыре.

– Нравится здесь? – спросил я.

– Нет.

Молчание.

– Вам нужно отдохнуть, – сказал он.

Аднан подошел к столу, взял пульт дистанционного управления и включил маленький телевизор, закрепленный на стене.

– Если вам станет грустно или одиноко, всегда можно воспользоваться этим, – сказал он, вкладывая мне в руку пульт.

Я уставился на экран. Четверо симпатяг сидели за столом, смеялись и болтали. Вокруг на трибунах разместились студийная аудитория, зрители хохотали, стоило кому-то из гостей сострить, и громко аплодировали, когда ведущий скороговоркой призывал к этому.

– Я вернусь попозже, проверю, как вы, – сказал Аднан.

Телевизор я вскоре выключил, меня вдруг потянуло в сон. Не противясь подступающей дремоте, я покосился на коробочки с лекарствами. На одной из них было написано *зопиклон*. Название показалось смутно знакомым... что-то похожее мне прописывал доктор в Штатах, когда у меня был очередной приступ бессонницы. Как бы то ни было, лекарство быстро действовало, размывая окружающую действительность, подавляя все тревоги, приглушая настойчивое голубое сияние гостиничной люстры, отправляя меня в...

...утро. Или, пожалуй, в его предвестие. Серый рассвет заглядывал в комнату. Я пошевелился и почувствовал, что мне гораздо лучше. Я даже смог самостоятельно спустить ноги с кровати и медленно, по-стариковски доплестись до ванной. В ванной я помочился. Сбрызнул лицо холодной водой. И, вернувшись в голубую комнату, снова забрался в постель.

В девять утра мсье Брассёр принес завтрак. Он возвестил о своем приходе двумя резкими стуками в дверь, потом молча вплыл в комнату и поставил поднос на кровать. Ни приветствия, ни *comment allez-vous, monsieur?*²². Только сухой вопрос:

– Вы останетесь еще на одну ночь?

– Да.

Он вытащил из шкафа мою сумку. Я подписал еще несколько чеков в общей сложности на сто долларов. Он собрал их и ушел. Больше его в тот день я не видел.

Мне удалось съесть черствый круассан и выпить молочно-кофейную смесь. Потом я включил телевизор и пробежался по каналам, в отеле их было всего пять, и все французские. Утреннее телевидение здесь такое же банальное и пустое, как в Штатах. Игровые шоу, где домохозяйки пытались угадать зашифрованные слова и выиграть годовой абонемент на химчистку. Реалити-шоу, показывающие, как вышедшие в тираж актеры героически вкалывают на настоящей ферме. Ток-шоу, в ходе которых глянцевики знаменитости бе-

²² Как дела, мсье?

седовали с такими же глянцевыми знаменитостями; время от времени в студии появлялись девочки в откровенных платьицах и присаживались на колени стареющей рок-звезды...

Утратив интерес, я взял «Парискоуп» и принялся изучать киноафишу, думая о том, какие фильмы мог бы сейчас смотреть. Вскоре я задремал. Меня разбудили стук в дверь и чей-то тихий голос:

– *Monsieur?*

Аднан? Уже? Я взглянул на часы. Пятнадцать минут шестого. Неужели день пролетел так быстро?

Он зашел в комнату с подносом в руках.

– Вам сегодня лучше, *monsieur?*

– Да, немного.

– У меня готова ваша одежда из стирки. Если вы в состоянии проглотить что-то более существенное, кроме супа с багетом... Может, приготовить вам омлет?

– Это было бы очень любезно с вашей стороны.

– У вас очень хороший французский.

– Сносный.

– Вы скромничаете, – улыбнулся он.

– Нет, просто стараюсь быть объективным. Мне еще надо подтянуться.

– Ну, здесь это не проблема. Вы раньше жили в Париже?

– Приезжал на неделю несколько лет назад.

– И вам удалось за неделю так освоить французский?

– Это вряд ли, – усмехнулся я. – В Штатах я пять лет ходил

на курсы.

– Выходит, вы знали, что вернетесь сюда.

– Думаю, это скорее была мечта... пожить в Париже...

– Жизнь в Париже – это не мечта, – тихо произнес он.

И все-таки долгие годы для меня это была мечта; нелепая мечта, которой живут многие мои соотечественники: стать писателем в Париже. Сбежать от унылой рутины преподавания в богом забытом колледже, чтобы поселиться в какой-нибудь маленькой, но уютной студии возле Сены... в шаговой доступности от квартала кинотеатров. Чтобы по утрам работать над своим романом, а в два часа пополудни пойти посмотреть «Лифт на эшафот» Луи Малле, прежде чем забрать Меган из двуязычной школы, в которую мы бы ее определили.

Да, Сюзан и Меган всегда присутствовали в моей парижской фантазии. И годами – пока мы вместе посещали курсы французского в колледже и даже старались хотя бы час в день говорить друг с другом по-французски – моя жена поддерживала эту мечту. Но – оно всегда существовало, это несчастное *но*, – но прежде мы должны были приобрести новую кухню для нашего слегка обветшавшего домика. Потом в доме требовалось заменить электропроводку. А потом Сюзан хотелось подождать, пока мы оба получим постоянные штатные должности в колледже. Однако, как только меня зачислили в штат, она решила, что еще не время брать творческий отпуск и следует подождать «подходящего момента»,

чтобы забрать Меган из местной школы без ущерба для ее «образования и социального развития». Сюзан всегда была чересчур щепетильна в выборе «правильного момента» для принятия «кардинальных решений». Проблема заключалась в том, что жизнь шла вразрез с планами моей жены. Ее всегда что-то останавливало перед решающим прыжком. После пяти лет заверений вроде «возможно, годика через полтора» она бросила языковые курсы, а заодно и прекратила наши вечерние беседы на французском – эти события стали предвестниками охлаждения наших отношений. Я продолжал посещать курсы, настойчиво убеждая себя в том, что однажды я все-таки перееду в Париж, где напишу свой роман. С немалым упорством я твердил себе, что поведение Сюзан – это всего лишь каприз, ведь сама она не признавалась в том, что отдаляется от меня, уверяя, что ничего не случилось.

Но все *уже* случилось. И в конечном счете обернулось катастрофой. Париж так и остался мечтой, хотя...

– Приезд сюда был для меня единственным спасением, – сказал я Аднану.

– От чего?

– От проблем.

– Серьезных проблем?

– Да.

– Мне очень жаль, – ответил он, извинился и вышел.

Вернулся он минут через пятнадцать с омлетом и корзиной

кой хлеба. Пока я ел, он сообщил:

– Вечером я позвоню доктору, чтобы подтвердить его завтрашний визит.

– Я не могу себе позволить услуги доктора. Да и отель тоже.

– Но вы все еще очень больны.

– У меня бюджет. Строгий.

Я ждал, что он произнесет что-то вроде: «А я-то думал, все американцы богатые». Но Аднан не сказал ничего, кроме:

– Я посмотрю, что можно сделать.

Таблетки зопиклона вновь сотворили свое маленькое химическое чудо, отправив меня в глубокий сон на всю ночь. Брассёр явился с завтраком в восемь утра и облегчил мой кошелек еще на сотню долларов. Мне удалось самостоятельно доползти до ванной – но это, пожалуй, стало единственным моим достижением. Весь день я провалялся в постели, читая и бесцельно блуждая по телеканалам.

Аднан пришел в пять.

– Я позвонил доктору до работы. Он сказал, что навещать вас нет необходимости, если только ваше состояние не ухудшится...

Что ж, хотя бы одна хорошая новость.

– Но он настойчиво просил, чтобы вы не вставали с постели еще пару дней, даже если вам стало лучше. Он сказал, что с этим гриппом возможен рецидив, поэтому вы должны

быть очень осторожны, иначе можно загреметь в госпиталь.

Где тариф будет куда выше, чем сто баксов за ночь.

– Похоже, у меня нет выбора, – заметил я.

– И куда вы потом отправитесь?

– Мне нужно найти какое-нибудь жилье.

– Квартиру?

– Только очень дешевую.

Он понимающе кивнул и спросил:

– Вы готовы принять ванну, *monsieur*?

Я ответил, что уже сам могу себя обслуживать.

– Значит, выздоравливаете? – спросил он.

– Я твердо намерен съехать отсюда через пару дней. У вас нет никаких идей насчет дешевого жилья для меня?

– В моем *arrondissement*²³ много недорогих мест, хотя даже люди с деньгами начинают потихоньку скупать их.

– И где это?

– Знаете Десятый округ? Рядом с Восточным вокзалом?

Я покачал головой.

– Там много турок.

– И давно вы там обосновались?

– С тех пор, как приехал в Париж.

– Все время на одном месте?

– Да.

– Скучаете по дому?

Он отвернулся.

²³ Парижский округ.

– Постоянно.

– Вы можете себе позволить изредка навещать родину?

– Я не могу покидать Францию.

– Почему?

– Потому что... – Он запнулся и пристально взгляделся в мое лицо, словно хотел понять, можно ли мне довериться. – Если я покину Францию, могут возникнуть проблемы с возвращением. У меня нет нужных документов.

– Вы здесь нелегально?

Он кивнул.

– А Брассёр это знает?

– Конечно. Поэтому и держит меня почти бесплатно.

– И сколько стоит это «почти бесплатно»?

– Шесть евро в час.

– А сколько часов вы работаете?

– С пяти вечера до часу ночи, шесть дней в неделю.

– И вы можете прожить на эти деньги?

– Если бы мне не приходилось посылать деньги жене...

– Вы женаты?

Он снова отвел взгляд.

– Да.

– Дети?

– Сын.

– Сколько ему?

– Шесть.

– И вы не виделись с ним...

– Вот уже четыре года.

– Это ужасно.

– Да, вы правы. Когда не имеешь возможности видаться со своими детьми... – Аднан замолчал, не закончив фразы.

– Поверьте мне, уж я-то знаю, – произнес я. – Сам не представляю, когда мне снова позволят увидеться с дочерью.

– Сколько ей?

Я сказал.

– Должно быть, она скучает по отцу.

– Это очень сложная ситуация... я постоянно думаю только о дочери.

– Сочувствую...

– И я вам тоже.

Он неуверенно кивнул, потом отвернулся и уставился в окно.

– А ваша жена и сын не могут навестить вас здесь? – спросил я.

– На это нет денег. Даже если я бы нашел способ вызвать их сюда, им бы отказали в визе. Или спросили бы у них адрес, по которому они собираются остановиться. Если назвать несуществующий адрес, их немедленно депортируют. А если адрес подтвердится, он приведет полицию прямо ко мне.

– Наверняка в наши дни у копов полно других забот, кроме как ловить одного нелегального иммигранта.

– В их глазах мы все теперь потенциальные террористы – тем более если у тебя внешность как у выходца из *той* ча-

сти света. Вам известно о здешней системе *контроля*?. Полиции официально разрешено останавливать любого и проверять документы. Нет документов – тебя могут отправить за решетку, а если документы есть, но нет вида на жительство – *la carte de séjour*, – это, считай, начало конца.

– Вы хотите сказать, что если я задержусь по истечении моей полугодовой визы и на улице меня остановят копы...

– Вас не остановят. Вы же американец, *белый*...

– А вас хоть раз останавливали?

– Пока нет, но это потому, что я избегаю определенных мест вроде станций *métro* Страсбур-Сен-Дени или Шатле, где полиция часто проверяет документы. В приличных районах я тоже стараюсь держаться подальше от оживленных перекрестков. Прожив здесь четыре года, становишься ушлым и уже знаешь, что следует выглянуть из-за угла и оценить обстановку, прежде чем сворачивать на улицу.

– Как же вы можете так жить? – расслышал я собственный голос (и тут же пожалел, что сказал не подумав). Впрочем, Аднана не смутил столь бесцеремонный вопрос.

– У меня нет выбора. Вернуться я не могу.

– Потому что...

– Неприятности, – сказал он.

– Серьезные?

– Да, – ответил он. – Серьезные.

– Кажется, я знаю, в чем дело...

– Вы тоже не можете вернуться домой?

– Ну, легальных запретов для меня не существует, – сказал я. – Но мне тоже некуда возвращаться. Поэтому...

Снова воцарилось молчание. На этот раз нарушил его Аднан.

– Знаете, *monsieur*, если вам срочно нужно что-то дешевое...

– Да?

– Извините, – смутился он. – Мне не следовало бы вмешиваться...

– Вы знаете подходящее место?

– Оно не слишком привлекательное, но...

– Поподробнее, что значит «не слишком привлекательное»?

– Вам известно, что такое *chambre de bonne*?

– Комната для прислуги? – перевел я.

– То, что раньше считалось комнатой для прислуги, теперь представляет собой крохотную квартиру-студию. Размером, может, в одиннадцать квадратов. Кровать, стул, умывальник, электроплитка, душ.

– В плохом состоянии?

– Скажем так, в не очень хорошем.

– Чистая?

– Я помог бы вам там прибраться. Она находится на том же этаже, что и моя *chambre de bonne*.

– Понятно.

– Как я уже сказал, я вовсе не хочу вмешиваться в вашу...

– И сколько в месяц?

– Четыреста евро. Но я знаком с управляющим и мог бы уговорить его снизить цену на тридцать или сорок евро.

– Я бы хотел посмотреть.

Аднан застенчиво улыбнулся.

– Хорошо. Я договорюсь.

На следующее утро, когда Брассёр явился с завтраком, я объявил, что завтра съезжаю. Устраивая поднос на кровати, он непринужденно спросил:

– Значит, Аднан забирает вас к себе?

– О чем это вы?

– О том, что слышал от нашего шеф-повара, который живет в том же доме, что и Аднан: «У него новый бойфренд – американец, который так тяжело заболел».

– Можете думать все, что вам угодно.

– Это не мое дело.

– Вот именно, это не ваше *affaire*, тем более что никакого *affaire*²⁴ здесь нет.

– *Monsieur*, мне ваши заверения ни к чему. Я вам не священник и не жена.

И вот тогда я плеснул в него апельсиновым соком. Даже не задумываясь – инстинктивно схватил стакан и вылил его содержимое на портье. Мне удалось попасть прямо ему в лицо.

Повисло короткое изумленное молчание – капли сока стекали по его щекам, на бровях зависли кусочки *мякоти*. Но

²⁴ Игра слов: *affaire* (*фр.*) – 1) дело; 2) роман, любовная связь.

шок быстро прошел.

– Вон отсюда! – рявкнул он.

– Отлично, – сказал я, на удивление бодро спрыгивая с кровати.

– Я вызываю полицию!

– И по какому поводу? Крещение фруктовым соком?

– Поверьте, уж я придумаю какой-нибудь убийственный повод.

– Только посмейте, и я расскажу о нелегальных рабочих, которых вы тут держите и которым платите как рабам.

Это его вмиг отрезвило. Достав носовой платок, он принялся обтирать лицо.

– Возможно, я просто уволю Аднана.

– Тогда я сделаю анонимный звонок копам и, повторяю, расскажу, что вы используете труд нелегалов...

– Разговор окончен. Я позову вашего *petit ami*²⁵ и пусть везет вас к себе домой.

– Вы гнусный мелкий проходимец.

Но он не услышал моих слов, поскольку уже вылетел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Я привалился к стене, потрясенный тем, что произошло.
Но ведь он сам начал?

Потом я оделся и начал собирать вещи. Аднан был внимателен ко мне, и я чувствовал себя виноватым. Своей дурацкой выходкой я поставил парня в трудное положение. Мне

²⁵ Дружок.

захотелось оставить ему сотню евро в знак благодарности, но не через Брассёра же их передавать... Немного поразмыслив, я решил подыскать другой отель, а к Аднану заскочить как-нибудь вечером.

Зазвонил телефон. Я снял трубку. Это был Брассёр.

– Я только что разговаривал с Аднаном, он сейчас на другой работе. Через полчаса подъедет.

Отбой.

Я тут же набрал номер ресепшн:

– Пожалуйста, передайте Аднану, что я сам подыщу себе жилье, что...

– Поздно, – ответил Брассёр. – Он уже в пути.

– Тогда позвоните ему на *portable*²⁶.

– У него нет мобильного.

Отбой.

В голове пронеслась мысль: *хватай свои вещи и уходи сейчас же!* Аднан, конечно, был очень любезен, пока я был прикован к постели (чересчур любезен, по правде говоря), но кто знает, чем он руководствовался, когда предложил снять *chambre de bonne* с ним по соседству. А вдруг, как только я туда заявлюсь, четверо его дружков накинутся на меня, отберут дорожные чеки и все то небольшое, чем я дорожу (компьютер, авторучка и старый отцовский «ролекс»)? Потом они перережут мне горло и сбросят в какой-нибудь *poubelle*²⁷.

²⁶ Мобильный телефон.

²⁷ Мусорный бак.

Все кончится тем, что мой труп сожгут с грудой парижского хлама... Разумеется, такой сценарий отдает некоторой паранойей. Но почему я должен верить в честность и искренность этого парня? Если чему и научили меня последние несколько месяцев, так это тому, что мало кто действует из лучших побуждений.

Закончив сборы, я подхватил сумку и спустился вниз. Брассёр уже переоделся в свежую рубашку, но его галстук был в пятнах сока.

– Мне следует удержать с вас двадцать евро за чистку испорченной одежды!

Никак не отреагировав на его слова, я продолжал идти к двери.

– Разве вы не дождетесь Аднана? – спросил он.

– Скажите, что я с ним свяжусь.

– Любовная ссора?

Я замер. И уже в следующее мгновение развернулся, вскинув правую руку. Брассёр отшатнулся, но не более того. В глазах его светилось презрение – он, видимо, хорошо понимал, что его провокация не вызовет ответных мер.

– Надеюсь никогда больше не увидеть вас, – прошипел я.

– *Et moi non plus*²⁸, – спокойно ответил он.

На улице я нос к носу столкнулся с Аднаном. Признаться, мне было трудно скрыть неловкость, и это отразилось на моем лице.

²⁸ И я тоже.

– Разве Брассёр не сказал вам, что я еду? – спросил Аднан.

– Я решил подождать вас на улице, – соврал я. – Больше не мог там находиться.

Пришлось рассказать ему, что произошло в номере.

– Он считает, что все турки – *pédés*²⁹, – сказал мой новый знакомый, ввернув словечко из французского сленга.

– Это меня не удивляет, – усмехнулся я. – Брассёр говорил, как он застукал *homme à tout faire* с шеф-поваром...

– Я знаю нашего шефа Омара. Он живет по соседству со мной. Он плохой, – неохотно прокомментировал Аднан и быстро сменил тему. Как оказалось, Сезер, в чьем ведении были квартиры, ждал нас в течение часа. Подхватив мой чемодан (вопреки моим протестам, что я могу везти его сам), турок решительным шагом повел меня вверх по улице Рибера.

– Брассёр сказал, что звонил вам на *другую* работу...

– Да, я каждый день работаю по шесть часов в магазине одежды в доме, где живу.

– Шесть часов плюс восемь часов в отеле? Это же безумие!

– Нет, это вынужденная необходимость. Все деньги, заработанные в отеле, уходят в Турцию. Утренняя работа...

– Во сколько же она начинается?

– В половине восьмого.

– Но вы ведь заканчиваете в час ночи... Пока доберетесь

²⁹ Педерасты.

до дома...

– Это всего полчаса езды на велосипеде. *Metro* закрывается до часу ночи. Да мне и не нужно много времени для сна, так что...

Аднан не договорил, намекая на то, что ему не хотелось бы продолжать этот разговор. Улица Рибера была узкая, но утреннее солнце все-таки находило лазейки между домами, чтобы бросить скудную россыпь лучей на мостовую. Я заметил, как из подъезда старинного дома, чуть впереди от нас, вышел хорошо одетый сорокалетний мужчина. Он был не один, вслед за ним вышла девочка-подросток, очевидно его дочь. Оба чему-то улыбались. Было видно, что отношения между ними самые теплые. Сердце больно сжалось. На какой-то миг я даже остановился. Аднан покосился на меня.

– С вами все в порядке?

Я покачал головой и заставил себя не думать о дочери.

Мы повернули на авеню Моцарт, вблизи которой был вход на станцию Жасмин. В *métro* мы перешли на ветку, ведущую к Булонскому лесу. Когда прибыл поезд, Аднан бегло осмотрел вагон – нет ли копов – и только после этого сделал мне знак войти.

– Доедем до Мишель-Анж Молитор, – сказал он, – и сделаем пересадку, потом еще одну, на Одеон. Выходим на Шато д'О.

До первой пересадки было всего два остановки. Мы вышли из поезда и проследовали на линию 10, которая вела к

вокзалу Аустерлиц. У лестницы я все-таки настоял на том, чтобы забрать у Аднана свой чемодан. Внизу был длинный туннель. В конце его два *flics*³⁰ проверяли документы.

Аднан замер на мгновение, потом прошептал:

– Разворачиваемся.

Я быстро повернул. Но стоило нам двинуться назад, как появились еще два *flics*. Они были метрах в тридцати от нас. Мы оба застыли. Наверняка это бросилось им в глаза.

– Идите впереди меня, – снова зашептал Аднан. – Если меня тормознут, не останавливайтесь. Доедете до Шато д’О, потом идите на улицу де Паради, дом 38, – это адрес. Спросите Сезера...

– Держитесь рядом со мной, – шепнул я в ответ, – может, они вас и не остановят.

– Идите же! – Он сердито мотнул головой – Улица де Паради, дом 38...

Аднан замедлил шаг. Я попытался сделать то же самое, но он шикнул:

– *Allez rue de Paradis!*³¹

Я двинулся прямо на копов, ощущая некоторое беспокойство. В сущности, у меня не было повода для волнений: документы в порядке, обратный билет в кармане, – но всякий раз, когда мне приходилось сталкиваться с офицерами полиции или таможенной службы, я не мог избавиться от ощу-

³⁰ Полицейские.

³¹ Идите на улицу де Паради!

щения, будто в чем-то виноват.

Мы поравнялись. Копы оглядели меня с головы до ног, их лица оставались бесстрастными, но цепкие взгляды наверняка успели ухватить все нюансы моей внешности. Я приготовился услышать: «*Vos papiers, monsieur*»³². Но ничего такого не последовало. Я стал подниматься по лестнице, все еще теша себя надеждой, что Аднан вот-вот догонит меня. Прошло пять минут, десять. Аднана не было. Тогда я решил рискнуть и снова спуститься вниз. Если копы все еще были там, я мог бы прикинуться тупым американским туристом, который попросту заблудился. Но в туннеле никого не было.

И тут я с ужасом осознал: *они задержали его... и все из-за меня...*

Следом пришла еще более удручающая мысль: *и что мне теперь делать?*

Allez rue de Paradis! – следовать в рай³³.

³² Ваши документы, мсье.

³³ *Paradis* по-французски *рай*.

РАЙ.

Прежде чем попасть туда, мне пришлось пересечь Африку.

Выйдя из *métro* на Шато д'О, я оказался в другом Париже. В этом Париже не было роскошных жилых домов и их богатых обитателей, никто не усаживал воспитанных детишек в навороченные внедорожники. На Шато д'О было грязно. Мусор повсюду... Убогие забегаловки... Магазины, торгующие дешевыми синтетическими париками кричащих расцветок... Уличные переговорные пункты, обещающие дешевые тарифы на международные звонки в Кот-д'Ивуар, Камерун, Сенегал, Центрально-Африканскую Республику, Буркина-Фасо и... Пожалуй, на всю округу я был единственным белым.

Хотя столбик термометра колебался на нулевой отметке, на бульваре было многолюдно, из открытых дверей кафе вырывались обрывки оживленных разговоров, прохожие приветствовали друг друга, как в деревне, торговцы продавали с тележек овощи и экзотические сладости. Никто не косился на меня с подозрением. Никто не смотрел мне вслед, намекая на то, что я забрел не по адресу. Меня попросту игнорировали. Даже пожилой негр, которого я остановил, чтобы спросить, как пройти на улицу де Паради, казалось, смотрел

сквозь меня, хоть и ткнул в направлении переулка, сопроводив свой жест бормотанием: «*Vous tournez à droite au fond de la rue*»³⁴, которое я с трудом разобрал.

Указанный негром переулок вывел меня из Африки в Индию. Ряды ресторанчиков индийской кухни... Видеосалоны с постерами Болливуда в окнах... Опять переговорные пункты – только теперь с расценками на Мумбай и Дели и рекламой на хинди. Здесь было множество дешевых отелей, предлагающих быструю, пусть и убогую альтернативу на ближайшие несколько дней, в случае если *chambre de bonne* не оправдает самых мрачных моих ожиданий или же если этот парень по имени Сезер окажется мошенником и я пойму, что меня попросту заманили в ловушку.

Мне пришлось пересечь улицу дю Фобур Сен-Дени – дешевый и грязный продуктовый рынок под открытым небом, где было не протолкнуться. Улицу продувал ледяной ветер, и большинство людей шли, низко опустив головы. Я взял вправо, потом резко свернул налево и, наконец, вышел на улицу де Пароди. С первого взгляда она показалась мне особенно тоскливой. Длинная и узкая, с невнятными образцами архитектуры XIX века, среди которых редкие вкрапления современных построек смотрелись нелепыми заплатами. Привычной уличной суеты не наблюдалось, как, впрочем, и признаков жизни; по пути мне попадались лишь оптовые магазинчики, торгующие посудой и кухонным оборудованием.

³⁴ В конце улицы повернете направо.

Но вот впереди замаячило заведение с вывеской «*Kahve*». Это было большое безликое кафе, залитое лампами дневного света; из динамиков орали хиты стамбульского радио. Я заглянул внутрь. За столиками сидели сплошь мужчины; с разговорщическим видом они вели разговоры за чаем. У стойки бара мирно спала парочка перебравших с утра завсегдатаев; над всем этим низко зависало облако табачного дыма. Молодой ушлый бармен отвлекся от трансляции футбольного матча и впился в меня долгим суровым взглядом, недоумевая, с чего это вдруг я завис в дверях его заведения. Своей враждебностью он явно намекал, что лучше бы мне идти отсюда своей дорогой.

Что я и сделал.

По пути мне встретилось еще два *kahves*, несколько турецких ресторанчиков и парочка баров с опущенными в это время дня железными ставнями. Я ускорил шаг, решив, что слишком углубился в изучение местных достопримечательностей. Теперь я сосредоточился на номерных табличках, мысленно отмечая плачевное состояние домов, к которым они были прикреплены. Дом под номером 38 показался мне самым запущенным – его фасад с облупленной штукатуркой пестрел желтыми пятнами, словно зубы заядлого курильщика. Парадная дверь – высокая и массивная, – если по-хорошему, нуждалась в нескольких слоях черного лака. Я огляделся в поисках какого-нибудь подобия домофона, но увидел

лишь кнопку с пометкой *Porte*³⁵. Нажав ее, я услышал, как щелкнул замок. Чтобы открыть дверь, мне пришлось навалиться всей тяжестью своего тела. Втащив багаж, я оказался в узком коридоре с битыми почтовыми ящиками; у стен стояли переполненные урны с мусором, над ними – пара электрощитков со свисающими обрывками проводов. В глубине просматривался внутренний дворик, куда я и направился. Во двор выходили три лестницы, помеченные буквами «А», «В», «С». Двор представлял собой маленький темный колодец, над которым возвышались по четыре этажа с каждой стороны. Внутренние стены были такими же обшарпанными, как и фасад, разве что приукрашены стиранным бельем, развешанным в окнах. В воздухе витал запах прогорклого масла и гниющих овощей. На дальней стене я увидел вывеску «*Sezer Confection*» («Готовая одежда от Сезера»). Под вывеской был отдельный вход. Мне пришлось позвонить, чтобы войти. Никто не ответил, поэтому я позвонил еще раз. Так и не дождавшись ответа, я снова нажал на кнопку и удерживал ее секунд пятнадцать. Наконец раздались приглушенные шаги. Дверь открыл парень-качок. Он был в линялой джинсовой куртке с воротником из искусственного меха. Над верхней губой – жидкие усики, в зубах зажата сигарета. Лицо парня выражало крайнюю степень раздражения.

– Что вы хотите? – спросил он на плохом французском.

– Мне нужен Сезер.

³⁵ Дверь.

– Он вас знает?

– Аднан мне сказал...

– А где Аднан? – оборвал он меня.

– Я объясню это Сезеру.

– Мне объясните.

– Я бы предпочел...

– Говорите мне! – Тон парня не терпел возражений.

– Его остановили *flicks*, – сказал я.

Парень напрягся.

– Когда это случилось?

– Меньше часа назад.

Молчание. Настороженный взгляд поверх моего плеча. Не подумал ли он, что я привел с собой компанию полицейских?

– Ждите здесь! – Дверь захлопнулась у меня перед носом.

Я постоял во дворе минут пять, размышляя, не лучше ли мне сделать ноги. Но... Во-первых, я должен хотя бы объяснить, что произошло. Кто знает, может, Сезер парень со связями, и...

Со связями, как же, в таких-то декорациях... Трудно предположить, что zdeшний хозяин знаком с высокими чинами и что по его слову освободят нелегального иммигранта...

А во-вторых... Ладно, признаюсь. Что действительно удерживало меня на месте, так это осознание того, что *мне больше некуда идти...* а дешевое жилье крайне необходимо.

Дверь снова открылась. Парень-качок еще раз заглянул через мое плечо, желая убедиться, что все чисто, и произнес:
– Поднимайтесь наверх, в офис.

Лестница была узкой, колесики моего чемодана шумно грохотали по ступеням.

Насмотревшись черно-белых фильмов о мафии, я ожидал увидеть грязный прокуренный кабинет; за железным столом будет сидеть толстый главарь в несвежей футболке, в уголке рта – обжужженая сигара, перед ним недоеденный сэндвич с отметинами от зубов; на стенах календари с голыми девочками; на заднем плане тройка болванов-охранников в дешевых полосатых костюмах. Но кабинет, куда я вошел, не имел ничего общего с картинкой, нарисованной воображением; не был он похож и на обычные офисы. Простая комната с грязно-белыми стенами и истертым линолеумом, из обстановки лишь стол и стул. Никаких излишеств, не было даже телефона – разве что миниатюрная сотовая «нокиа» на столе, за которым сидел мужчина. Он вовсе не походил на главаря, которого я ожидал увидеть. Напротив, это был худющий мужчина лет за пятьдесят в простом черном костюме, белой рубашке с застегнутым воротничком и маленьких очках в стальной оправе. Кожа у него была средиземноморского оливкового оттенка, голова бритая. Скорее он напоминал светского иранца, «правую руку» аятоллы, мозговой центр теократии в борьбе с «неверными».

Хозяин кабинета тоже оценивал меня – прощупывая дол-

гим холодным взглядом. Наконец прозвучало (на французском):

– Так вы американец?

– А вы Сезер?

– *Monsieur* Сезер, – поправил меня мужчина.

– *Mes excuses, Monsieur Sezer*³⁶.

Мой тон был вежливым и в меру почтительным. Сезеру это понравилось. Едва заметно кивнув, он продолжил:

– Аднан ушел сегодня с работы, чтобы спасти вас.

– Я знаю. Но я не просил его приходить в отель. Это портье – редкий негодяй...

Мсье Сезер жестом остановил поток моих объяснений.

– Я бы хотел собрать все факты воедино, – сказал он. – Аднан оставил свое рабочее место, чтобы пойти в отель и привести вас сюда, потому что у вас возникли неприятности с администрацией. По крайней мере, он так объяснил мне, прежде чем уйти. Аднан увлекся вами – и хотел поселить вас по соседству с собой. А вам он нравится?

Пауза. Подтекст вопроса был для меня пугающим.

– Я тяжело заболел... Аднан был очень добр ко мне.

– Что вы имеете в виду, когда говорите «очень добр»?

– Я хочу сказать, что он проявил участие, ведь я не мог встать с постели...

– Какого рода участие?

– Я не трахал его, довольны?!

³⁶ Мои извинения, мсье Сезер.

Мсье Сезер какое-то время помолчал, потом на его тонких губах промелькнула усмешка.

– Вы покинули отель вместе с Аднаном и... – продолжил он, как будто не расслышал моей гневной реплики.

Я пересказал ему всю историю от и до, не забыв упомянуть, что Аднан сам попросил меня идти впереди, когда мы оказались в окружении *flics*. Он слушал не перебивая, потом спросил:

– Вы женаты?

– В разводе.

– И какова причина вашего приезда в Париж?

– Я преподаю в колледже, а сейчас нахожусь в творческом отпуске. Творческий отпуск – это...

– Я знаю, что это, – прервал он меня. – Должно быть, в вашем колледже плохо платят, если вас интересует аренда дешевых *chambre*³⁷.

Я почувствовал, как кровь прилила к щекам. Неужели мое вранье было столь очевидным?

– У меня временные трудности.

– Похоже, что так, – согласился он.

– Больше всего сейчас меня беспокоит судьба Аднана, – сказал я.

Он махнул рукой:

– С Аднаном все кончено. В течение трех дней его отпра-

³⁷ Комната.

вят самолетом в Турцию. *C'est foutu*³⁸.

– Разве вы не можете ничего сделать, чтобы помочь ему?

– Нет.

Снова воцарилось молчание.

– Может быть, вы хотите поселиться в его *chambre*? – спросил он. – Она куда лучше той, что я собирался показать вам.

– А дорогая аренда?

– Четыреста тридцать в месяц.

На тридцать евро дороже...

– Не знаю, – сказал я. – Дороговато для меня.

– Дела у вас действительно плохи, – заметил мужчина.

Я виновато кивнул. Сезер что-то сказал по-турецки парню, который привел меня сюда (все это время он стоял за мной спиной). Качок равнодушно пожал плечами, потом пробормотал что-то в ответ, и тонкие губы хозяина кабинета разъехались в усмешке.

– Я спросил Махмуда, не кажется ли ему, что вы не в ладах с законом. Он сказал, что вы слишком нервный для преступника. Но я-то знаю, что эта история про «творческий отпуск» – липа, вы ее сами придумали, хотя меня это не касается.

Они снова залопотали по-турецки.

– Махмуд покажет вам обе *chambres*. Уверен, что вы выберете комнату Аднана, – наконец услышал я.

Махмуд подтолкнул меня к двери со словами:

³⁸ Ничего не получится.

– Вещи оставьте. Мы вернемся.

Я отставил чемодан, но сумку с компьютером решил держать при себе. Махмуд буркнул что-то по-турецки. Мсье Сезер перевел:

– Мой помощник спрашивает: по-вашему, все турки воры?

– Я никому не доверяю, – ответил я.

Спустившись по лестнице, мы прошли через двор ко входу, обозначенному *Escalier B*³⁹. Парень набрал код на панели домофона. Раздался щелчок, дверь открылась, и мы двинулись по ступенькам вверх. Лестница была узкая, деревянная, винтовая, ступеньки выщербленные и ветхие. Преодолевать их крутизну мне было нелегко. Грязно-коричневые стены явно нуждались во влажной уборке. Но что особенно доставало, так это запахи: тошнотворная смесь растительно-животных жиров и засоров канализации.

На четвертом этаже мы остановились. На площадку выходили две металлические двери. Махмуд выудил из кармана большую связку ключей и отпер одну из них. Комната, куда мы попали, открыла для меня новое значение слова «мрак». Она была крохотной, не больше десяти шагов в длину, с желтоватым линолеумом на полу и единственным предметом мебели в виде узкой кровати. На стенах пестрели заляпанные обои, кое-где ободранные и свисающие клоками. Настоящая тюремная камера, идеальное пристанище

³⁹ Лестница «В».

для самоубийц...

Пока я разглядывал помещение, парень оставался безучастным. Когда я спросил: «Могу я посмотреть другую комнату?», он кивнул, приглашая следовать за ним. Мы поднялись еще на один пролет. На площадку также выходили две металлические двери и одна маленькая деревянная. Мой провожатый открыл ближайшую дверь. *Chambre* Аднана была ничуть не просторнее, чем чулан этажом ниже. Но турок хотя бы попытался сделать ее пригодной для жилья. Линолеум был прикрыт потертым ковром, обои закрашены нейтральной бежевой краской (сквозь дешевую эмульсию проглядывали цветочные узоры). Кровать тоже была узкой, но накрыта пестрым лоскутным одеялом. Еще здесь были дешевый стереомагнитофон и крохотный телевизор. Электрическая плитка, умывальник и миниатюрный холодильник – все старое. Душ отделялся нежно-голубой шторкой. Я отодвинул ее и обнаружил поддон со стоком, забитым волосами; со стены свисал резиновый шланг с пластмассовой душевой насадкой.

– А где туалет? – спросил я.

– На площадке, – ответил качок.

В углу комнаты я заметил вешалку для одежды; на ней висели черный костюм, три рубашки и три пары брюк. Единственным украшением стен служили фотографии: молодая женщина в платке, лицо серьезное и измученное; пожилые мужчина и женщина в официальной позе, тоже серьезные и

измученные; и, наконец, Аднан с черноволосым кудрявым малышом, на вид двухлетним, на коленях. Аднан выглядел лет на двадцать моложе, чем сейчас... хотя, судя по всему, снимок был сделан года четыре назад.

Рассматривая фотографии, я ощутил острый приступ вины. Комната, пропитанная печалью, была единственным убежищем Аднана в городе, где он был вынужден жить в вечном страхе...

Качок, должно быть, угадал мои мысли.

– Аднан возвращается в Турцию – и надолго засядет в тюрьму, – сказал он.

– Что же он натворил, раз был вынужден бежать из страны?

Парень пожал плечами:

– Так вы берете комнату?

– Позвольте мне переговорить с вашим шефом, – попросил я.

Когда мы вернулись в офис, мсье Сезер все так же сидел за пустым столом, уставившись в окно. Качок присел на корточки у двери и закурил.

– Ну, что скажете? – услышал я.

– Комната Аднана устроила бы меня за триста семьдесят пять евро в месяц.

Сезер замотал головой.

– Это все, что я могу себе позволить...

Он снова замотал головой.

– Другая комната – просто помойка, – сказал я.

– Вот поэтому комната Аднана и стоит дороже.

– Но она немногим лучше.

– Но все-таки *лучше*.

– Триста восемьдесят.

– Нет.

– Это максимум, что я могу...

– Четыреста, – прервал он меня. – И заплатить надо за три месяца вперед.

Три месяца в этой конуре? *Это еще одно доказательство, что ты достиг дна.* Следом пришла другая мысль: *лучшего ты не заслуживаешь.* И наконец, третья: *комната дешевая, а выбора у тебя нет, бери.*

– Хорошо, четыреста, – кивнул я.

– Когда вы сможете заплатить?

– Сейчас схожу в банк.

– Хорошо, идите в банк.

Я нашел какой-то банк на бульваре Страсбург. Тысяча двести евро обошлись мне в полторы тысячи долларов. Мой чистый капитал снизился до двух тысяч баксов.

Я вернулся в офис фирмы «Готовая одежда от Сезера». Моего чемодана уже не было. Мсье Сезер заметил мое молчаливое беспокойство.

– Чемодан в комнате Аднана, – сказал он.

– Рад слышать.

– Думаете, нас могли заинтересовать ваши убогие шмот-

ки?

– Так вы рыскали в моем чемодане?

Он пожал плечами.

– Деньги принесли?

Я передал ему нужную *сумму*. Он медленно пересчитал.

– Могу я получить расписку?

– Нет.

– Но как иначе я смогу доказать, что оплатил аренду?

– Не беспокойтесь.

– Но я беспокоюсь...

– *Evidemment*⁴⁰. Можете идти в свою комнату. Вот ключ. –

Ключ полетел через стол, и я едва успел поймать его. – Код на двери А542. Запишите его. Вы хотите, чтобы мой помощник проводил вас?

– Нет, спасибо.

– Если будут проблемы, вы знаете, где меня найти. И мы знаем, где искать вас.

Я вышел из кабинета, спустился по лестнице, пересек внутренний дворик, вошел в дверь *Escalier B* и снова поднялся по скрипучим ступенькам на четвертый этаж. Потом я открыл дверь комнаты...

Chambre de bonne была практически обчищена. Вместе с личными вещами Аднана «помощники» Сезера вынесли и постельное белье, и одеяло, и душевую шторку, и дешевую электронику... Мои кулаки непроизвольно сжались. Захоте-

⁴⁰ Конечно.

лось броситься вниз по лестнице, ворваться в кабинет этого мерзавца и потребовать вернуть хотя бы триста евро, чтобы покрыть расходы на приобретение вещей, которые могли бы сделать комнату пригодной для жилья... Но я знал, что Селзер просто пожмет плечами и скажет: «*Tant pis*»⁴¹.

Редкое дерьмо!

Как бы то ни было, если вернусь и устрою сцену, меня сочтут проблемным жильцом. А именно сейчас мне никак нельзя привлекать к себе внимание.

Пришлось смириться...

За пять минут я распаковал вещи, потом уселся на грязный матрас, чувствуя, как снова подступает лихорадка.

Добро пожаловать в конец пути....

⁴¹ Ничего не поделаешь.

В ту ночь у Омара случился понос.

Откуда я узнал столь интимную подробность и личность джентльмена, активно опорожняющего кишечник? О, для этого вовсе не нужно было обладать дедуктивным мышлением! Моя кровать стояла как раз у стенки, примыкающей к сортиру. Омар был моим соседом – это я успел узнать от Аднана, но знакомство произошло вскоре после полуночи, когда в мою дверь резко забарабанили. Разумеется, мы не встречались раньше, хотя я уже слышал, что Омар работает шеф-поваром в отеле «Селект», и даже был в курсе (спасибо Брассёру) его интрижки с разнорабочим. Прежде чем открыть дверь, я все-таки спросил, кто там.

– *Votre voisin*⁴², – прозвучал ответ на примитивном французском.

Передо мной стоял сущий бегемот с мокрым от пота лицом; в нос ударила убийственная смесь перегара и табака. Омар и в самом деле был огромен – ростом куда выше шести футов и весом фунтов в триста. У него были длинные свисающие усы, как у моржа, а обширную лысину обрамляли жидкие пряди черных волос. Он был пьян и вселял в меня легкий ужас.

⁴² Ваш сосед.

– Пожалуй, поздно вато, – заметил я.

– Я хочу смотреть телевизор, – сказал он.

– У меня нет телевизора.

– У Аднана был.

– Аднан уехал.

– Я знаю, знаю. Все из-за тебя.

– Они забрали его телевизор, – сказал я.

– Кто?

– Мсье Сезер.

– Он не мог взять. Это *мой* телевизор. Аднан одолжил его

у меня на время.

– Вам стоит поговорить с мсье Сезером.

– Впусти меня, – сказал он.

Я тотчас прижал дверь ногой.

– Телевизора здесь нет.

– Ты врешь!

Сосед навалился на дверь. Я уперся коленом.

– Я не вру.

– Тогда впусти меня.

Он с силой толкнул дверь. Попробовали бы вы противостоять такой туше; хорошо хоть вовремя колено убрал! Омар влетел в комнату и на какое-то мгновение потерял ориентацию – так бывает, когда пьяный не может вспомнить, где и при каких обстоятельствах он ударился об электроплитку. Наконец до него дошло. Он оглядел комнату в поисках телевизора, но, кажется, опять перестал соображать.

– Это не та комната, – сказал он.

– Та самая.

– Ты здесь все поменял.

Отчасти это было правдой, некоторые изменения в комнате я все-таки произвел. Заляпанный матрас, провисший в пяти местах, был заменен новым, купленным в магазине на Фобур Сен-Дени. Хозяином магазина был камерунец. Он торговал домашней утварью по сниженным ценам, поэтому, когда услышал, что мне нужно кое-что из обстановки для моей *chambre*, взялся за меня всерьез. Я вышел от него с матрасом (дешевым, но вполне добротным), подушкой, комплектом светло-голубого постельного белья (оно не требовало глажки), тонким одеялом, темно-синей шторкой для душа, двумя плафонами, жалюзи кремового цвета (чтобы заменить оставленную на окне занавеску), кое-какой кухонной утварью и – хит моего шопинга! – скромным письменным столом из сосны в комплекте с плетеным креслом. Все это богатство обошлось мне в три сотни евро. Покупки пробили изрядную брешь в моих финансах, но парень бесплатно подбросил банку протравы для древесины (я собирался натереть ею стол) и, главное, поручил своему помощнику закинуть весь скарб в старенький белый мини-вэн и доставить на улицу де Паради.

Остаток дня я посвятил благоустройству комнаты.

Туалет на площадке заслуживает отдельного упоминания. Шаткий унитаз, накрытый сломанным черным пластиковым

стульчаком, умещался в крохотном чулане с некрашеными стенами и голой лампочкой под потолком. Он был загажен фекалиями и усеян подсохшими пятнами мочи. Оставаться в этой камере дольше минуты было невозможно, возникал сильный позыв к рвоте. Я снова отправился в город, на соседней улице Фобур Пуассоньер нашел хозяйственный магазин и уже через пять минут вернулся с новым сиденьем для унитаза, туалетным ершиком и промышленным отбеливателем *super fort*⁴³, который, как заверил меня продавец, не только уничтожит все застарелые пятна, но и снимет два слоя эпидермиса в случае попадания на кожу. Вот почему он настоял на том, чтобы я потратил лишние два евро на приобретение резиновых перчаток.

Через полчаса новый стульчак был установлен, оправдал себя и термоядерный отбеливатель – унитаз засиял белизной. Для усиления эффекта я не поленился отдраить и пол.

Покончив с уборкой, я опять поспешил на знакомую уже Фобур Пуассоньер в поисках магазина электроники. Поторговавшись для приличия, хозяин согласился расстаться с допотопной моделью стереомагнитофона «Сони» за пятьдесят евро. На обратном пути я прихватил в мини-маркете багет, ветчину и сыр, добавив к ним литр дешевого красного вина. Вернувшись домой, я прежде всего повесил плафоны в комнате и туалете, затем поужинал и до вечера вылизывал свою *chambre de bonne* под звуки джаза местной радиостан-

⁴³ Сверхсильный.

ции, лившиеся из стерео.

Отскабливая въевшуюся грязь, я вдруг поймал себя на мысли: *не становишься ли ты маниакальным чистюлей?* – но решил не углубляться в самоанализ и стоически продолжил уборку.

К полуночи мое новое жилище было безукоризненно чистым, лэптоп уютно расположился на письменном столе, и я взялся за составление списка вещей, которые хотелось бы докупить. Лоб был все еще горячим, но температура явно шла на спад. Почувствовав некоторое облегчение, я рискнул принять душ – горячая вода выплескивалась жалкими струями, – как следует вытерся полотенцем и улегся на узкую койку.

...Разбудил меня сосед – сначала шумным поносом, потом стуком в дверь и, наконец, наглым вторжением в мое жилище.

- Ты все поменял, – сказал он, оглядываясь по сторонам.
- Видишь ли, поздновато уже...
- Стало красиво, – сказал он.
- Благодарю.
- Ты что, продал мой телевизор, чтобы купить все это?
- Телевизор забрал мсье Сезер, я уже говорил тебе, Омар.
- Откуда ты знаешь мое имя? – спросил он, вперив в меня параноидально-пьяный взгляд.
- Мне Аднан сказал...
- А, это ты сдал Аднана полиции...

– Все было не так... – Мне с трудом удавалось сохранять спокойствие.

– Ты положил глаз на его комнату, позвонил в полицию, и вот его хватают в *métro*. А потом ты продал *мой* телевизор!

Последнюю фразу он уже прокричал – как артист, исполняющий роль злодея в третьеразрядном театре.

– Послушай, – сказал я, пытаюсь придать своему голосу хладнокровия. – До сегодняшнего утра я был гостем отеля. Как ты, должно быть, слышал, я болел, и болел тяжело. И я понятия не имел, где живет Аднан, пока он сам не рассказал мне про *chambre de bonne* по соседству...

– Так вот когда ты решил отобрать у него комнату!

– Кстати, меня зовут Гарри, – сказал я, надеясь сменить тему разговора. Но повар проигнорировал протянутую ему руку.

– Значит, телевизор у Сезера? – спросил он.

– Я уже сказал.

– Я убью Сезера!

Омар рыгнул, громко. Выудил из пачки сигарету и щелкнул зажигалкой. Я мысленно застонал – ненавижу табачный дым! – но счел момент неподходящим, чтобы попросить его не курить.

– Ты американец? – спросил он, выпустив дым из ноздрей.

– Угадал.

– Тогда пошел в жопу!

Он улыбнулся наглой хмельной улыбкой, наблюдая за мо-

ей реакцией. Я сохранил невозмутимый вид.

— Аднану конец. Когда они отправят его в Турцию, он умрет... в тюрьме. Четыре года назад он убил человека. Парня, который трахал его жену... Потом он узнал, что тот вовсе не трахал его жену. Но парня уже не вернешь. Плохо, очень плохо... Вот почему он сбежал в Париж.

Аднан — убийца? Это казалось невероятным. Впрочем, все, что происходило вокруг меня, казалось невероятным... и все-таки это была реальность, от которой никуда не деться...

Сигарета, выпавшая изо рта Омара, приземлилась прямо на свежeweмытый пол. Повар затер окурок ботинком.

Потом он опять громко рыгнув, распространяя вокруг запах перегара, развернулся и вышел.

Я открыл окно, чтобы проветрить комнату. Потом поднял с пола окурок и бумажным полотенцем стер пятно от пепла на линолеуме.

В туалете меня поджидала куча несмытого дерьма — привет от Омара. Я дернул за цепочку, чувствуя, как во мне закипает ярость. Справив малую нужду, я вернулся к себе и врубил джаз — в злорадной надежде досадить мерзавцу. Парижскую ночь разорвали нервные диссонансы Орнетта Коулмена, однако ни стуков в стену, ни криков «Убери эту муть» не последовало.

Наслаждаться скрипучими импровизациями в такой обстановке было выше моих сил. Да ну его к черту, этого Ко-

улмена! Комната была слабо освещена. Я обвел ее глазами, поражаясь убожеству жилья. Мои жалкие потуги сделать ее уютной ни к чему не привели... И вот тогда я заплакал. В последние месяцы мне пришлось пролить немало слез, но они были... другими, что ли. Я лежал на кровати, уткнувшись в подушку, и оплакивал все, что потерял... Я чувствовал себя униженным, загнанным в капкан. Минут пятнадцать я не мог остановить эту истерику, но и потом, когда рыдания стихли, мне не стало легче. Такое горе не смоешь слезами... как бы мне этого ни хотелось...

И тем не менее я заставил себя, сняв футболку и трусы, встать под душ. Потом я вытерся полотенцем, принял таблетку зопиклона и провалился в сон.

Проснулся я лишь в полдень, с тяжелой головой и сухостью во рту. В туалете меня ждал описанный стульчак. Омар, как и положено животному, пометил свою территорию.

Почистив зубы над кухонной раковиной, я быстро оделся, прихватил несколько вчерашних счетов, спустился вниз, пересек двор и позвонил в дверь конторы Сезера. На пороге возник качок, лицо его было перекошено, но я и не ждал ничего другого.

– Я хочу поговорить с вашим боссом...

Дверь захлопнулась перед моим носом, но уходить я не собирался. Через пару минут она снова открылась. Качок сде-

лал мне знак следовать за ним. *Comme d'habitude*⁴⁴, Сезер сидел за столом, на котором все так же лежал его сотовый, и неотрывно смотрел в окно.

– Слушаю, – произнес он, не повернув головы.

– Я заменил стульчак и повесил плафон в туалете на своем этаже.

– Поздравляю.

– Стульчак, ершик и плафон обошлись мне в девятнадцать евро.

– Вы рассчитываете на возмещение?

– Да, – сказал я, выкладывая на стол чеки.

Сезер посмотрел на них, сгреб в кучу, потом скатал в шарик и швырнул на пол.

– Не думаю, что об этом стоит говорить, – сказал он.

– Стульчак был сломан, лампочка висела голая...

– Никто из жильцов не жаловался.

– Омар, эта свинья, с радостью и жрал бы из унитаза...

– Вам не нравится ваш сосед?

– Мне не нравится, что он разбудил меня среди ночи и стал требовать свой телевизор, который вы забрали.

– Я не брал.

– Хорошо, значит, это был полтергейст.

Сезер обратился по-турецки к качку. Тот удивленно пожал плечами, потом прошипел что-то в ответ.

– Мой коллега говорит, что не прикасался к телевизору, –

⁴⁴ Как всегда.

сказал Сезер.

– Он лжет, – вдруг произнес я по-английски.

Сезер посмотрел на меня и улыбнулся.

– В целях вашей же безопасности я не буду это переводить, – ответил он на идеальном английском. – И не рассчитывайте, что я еще раз заговорю на вашем языке, американец.

– Вы жулик, – сказал я по-английски.

– *Tant pis*⁴⁵, – кивнул он и продолжил (на французском): – Боюсь, Омар расстроился. Потому что я сказал ему, что вы продали телевизор, чтобы купить новый стульчак. А он, крестьянин, поверил в такую глупость. Мой вам совет: купите ему новый телевизор.

– Ни в коем случае, – сказал я.

– Тогда не удивляйтесь, если сегодня вечером он снова придет домой пьяным и попытается выломать вашу дверь. Он совершенный *sauvage*⁴⁶.

– Попытаю удачу.

– О да, понимаю... крепкий орешек. Впрочем, не такой уж и крепкий, если разревелись вчерашней ночью.

Я постарался не выдать смущения. Не удалось.

– Не знаю, о чем вы говорите...

– Да что уж там, – бросил Сезер. – Омар слышал, как вы рыдали. Сказал, что почти полчаса заливались слезами. Он

⁴⁵ Ничего не поделаешь.

⁴⁶ Дикарь.

не пришел к вам сегодня утром требовать деньги за телевизор только потому, что пожалел вас, идиот.

Но, поверьте, к вечеру он снова будет в ярости. Это перманентное состояние Омара. В этом вы с ним похожи.

Сезер впился в меня взглядом. Обжигающим, словно вспышка яркого света. Я невольно заморгал и отвернулся.

– Так почему вы плакали, американец? – спросил он. Я не ответил.

– Тоска по дому? – спросил он.

Подумав мгновение, я кивнул. Он повернулся к окну.

– Все мы здесь тоскуем по дому, – услышал я.

ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ...

Или, если точнее, *моя парижская жизнь*.

Первые недели в моей хибаре на улице де Паради она была подчинена такому распорядку.

Почти каждое утро я вставал около восьми. Пока варился кофе, я слушал радиостанцию «Франс-Мюзик» (или, скорее, «*France Bavarde*»⁴⁷, поскольку ведущие, казалось, были не столько увлечены собственно музыкой, сколько бесконечным ее обсуждением). Одевшись, я спускался вниз, в *boulangerie*⁴⁸ на соседней улице де Птит Эжюри, где покупал багет за шестьдесят сантимов. Оттуда шел на рынок на улицу дю Фобур Сен-Дени и делал закупки по заранее составленному списку. Шесть ломтиков *jambon*⁴⁹, шесть ломтиков эментальского сыра, четыре помидора, полдюжины яиц, 200 граммов зеленой фасоли (я быстро освоил метрическую систему мер), 400 граммов какой-нибудь дешевой белой рыбы, 200 граммов самого дешевого мяса, которое не выглядело совсем уж заветренным, три литра *vin rouge*⁵⁰, пол-литра молока, три литра простой минеральной воды – этого запа-

⁴⁷ «Французская болтовня».

⁴⁸ Булочная.

⁴⁹ Ветчина.

⁵⁰ Красное вино.

са мне хватало на три дня. Стоимость продуктовой корзины никогда не превышала тридцати евро... и это означало, что я мог питаться на шестьдесят евро в неделю.

В те дни, когда я закупал провизию, домой я возвращался к половине первого. Включал свой компьютер и, пока он загружался, варил себе еще кофе, настраиваясь на работу. Я убеждал себя в том, что пятьсот слов – это всего ничего: подумаешь – две страницы. Это была ежедневная норма моего писательского труда.

Две страницы, шесть дней в неделю – итого двенадцать страниц. Если бы мне удалось выдержать такой темп, роман был бы готов через год. При этом мне совсем не хотелось думать о том, что оставшихся денег хватит лишь на то, чтобы обеспечить себе самое примитивное существование в течение трех оплаченных месяцев аренды...

Отметая все, я заставлял себя сосредоточиваться на том, чтобы выдержать дневную норму. Пять сотен слов... Раньше я минут за двадцать выдавал такой объем в своей электронной переписке...

Пятьсот слов. Да ерунда, в самом деле...

Пока ты не пытаешься создать из этих пяти сотен слов некое подобие художественного вымысла, и так изо дня в день.

Мой роман... *мой первенец*... Хочу сказать, что еще лет двадцать назад я убедил себя в том, что мне *суждено* его на-

писать. Он должен был стать «Оги Марчем» наших дней⁵¹, грандиозным плутовским *Bildungsroman*⁵² о тяжелом детстве в Нью-Джерси, которое проходило на фоне нескончаемых семейных дразг и унылого провинциального консерватизма шестидесятых.

Долгие месяцы, пока я варился в этом кошмаре, заставившем в конце концов уехать из Америки, меня грела лишь мысль о том, что рано или поздно я обязательно отыщу тихое местечко, где смогу излить на бумаге все, что пережито, и наконец доказать миру, что я действительно *серьезный писатель*, в чем сам никогда не сомневался. *Я покажу этим уродам...* обычно так, скрежеща зубами, клянется тот, кто потерпел неудачу... или дошел до точки. Относясь к последним, я знал, что это скорее не призыв, порождающий действие, а вопль отчаяния от осознания собственного бессилия.

Пять сотен слов... Таким было мое ежедневное задание, которое не казалось чрезмерным... ведь больше мне не на что было тратить время.

Разве что на кино. Свободное время я проводил в темных залах городских кинотеатров, приспособленных к вкусам таких же фанатов экрана, как я. Географию Парижа я изучал по его кинотеатрам. Каждый понедельник я тратил шестнадцать евро на приобретение *carte orange hebdomadaire* –

⁵¹ Роман Сола Беллоу «Приключения Оги Марча» (1953). – *Примеч. пер.*

⁵² Воспитательный роман (нем.).

недельного проездного, который давал право проезда в *métro* и на всех автобусах в черте города.

Впрочем, маршруты моих поездок за пределы *quartier*⁵³, где я жил, определялись, главным образом, моими кинематографическими запросами.

Как только пятьсот слов загружались в память компьютера, я мог с чистой совестью вылезти из норы и отправиться в кино. Моей любимой территорией был Пятый округ, поскольку здесь отмечалась самая высокая плотность кинозалов – по пятнадцать штук на квадратную милю. В большинстве из них крутили старые ленты. В «Аксьон Эколь» шла постоянная режиссерская ретроспектива: неделя Хичкока, неделя Куросавы, неделя вестернов Энтони Манна. По соседству, в «Ле Рефле Медичи», я провел три счастливых дня за просмотром комедий, когда-либо снятых на киностудии «Илинг». Правда, к концу фильма «Море виски» я оказался весь в слезах... что скорее подтверждало уязвимость моего душевного состояния, а не художественную ценность картины. В кинотеатре «Аккатон» можно было погрузиться в извращенные фантазии Пазолини на тему особенностей человеческого поведения. Минуты за три я без труда перебирался из «Аккатона» в Латинский квартал на сезон Бунюэля. А оттуда мог пешком прогуляться в Шестой округ и заглянуть на фестиваль черно-белого кино в «Аксьон Кристин». Или, круче того, прыгнуть в *métro*, доехать до Вереи и зависнуть

⁵³ Квартал.

в «Синематеке» до полуночи.

Каждый день я проводил в кино не меньше шести часов. Но, прежде чем пуститься в этот затягивающий киномарафон, я просматривал свою электронную почту.

Интернет-кафе находилось на улице де Птит Экюри. Это был маленький закуток с десятком компьютеров за столиками; к столикам были приставлены грязные пластиковые стулья некогда оранжевого цвета. Час блуждания в Сети стоил полтора евро. В глубине зала был маленький бар, где продавали кофе и алкоголь. За стойкой бара неизменно стоял бородатый парень лет тридцати с небольшим. Он был похож на турка, но говорил на отличном французском (наши разговоры обычно ограничивались лишь несколькими дежурными любезностями и оплатой интернет-услуг). Когда бы я ни пришел, парень болтал по сотовому, переходя с громогласной скороговорки на чуть слышный шепот. Получив пароль, я устраивался за компьютером. Со своего места я мог видеть, что бармен наблюдает за мной, пока я регистрируюсь в почте, – и мне было интересно, замечает ли он мое разочарование, когда я, открыв ящик, не обнаруживал там писем от дочери.

Я писал Меган дважды в неделю с тех пор, как приехал в Париж. В своих письмах я просил ее попытаться понять, что она всегда будет главным человеком в моей жизни. Даже если она по-прежнему ненавидела меня после всего, что произошло, я не переставал любить ее и надеялся, что ко-

гда-нибудь наше общение возобновится. Поначалу мои письма были сплошным потоком оправданий. По прошествии трех недель я сменил тактику – стал писать о своей жизни в Париже, о своей комнате, о том, как провел день, какие фильмы посмотрел, – и всегда заканчивал словами:

«Я снова напишу тебе на следующей неделе. Всегда помни, что ты присутствуешь в моих мыслях каждую минуту, я ужасно скучаю по тебе. С любовью... Папа».

Она не отвечала, и я решил, что, наверное, мать запрещает ей писать мне. Логично было предположить, что мои письма к Меган с рассказами о жизни в Париже читает и моя экс-супруга. Собственно, мне было плевать на то, что она узнает о моих стесненных обстоятельствах. Вряд ли она могла причинить мне еще больший вред, ведь я и так потерял все.

Но вот, на шестой неделе моего пребывания в Париже, я открыл свой почтовый ящик и увидел – среди привычного спама, рассылаемого ростовщиками и распространителями препаратов для наращивания пениса, – сообщение от адресата *meganrick3@aol.com*.

Я нервно кликнул мышью, приготовившись прочесть что-то вроде «*Никогда мне больше пиши*» (в тот единственный раз, когда я позвонил Меган после всего случившегося, она сказала, что я для нее умер). Но вот что я прочитал:

«Дорогой папа!

Спасибо за письма. Судя по твоим рассказам, Париж

– это круто. В школе по-прежнему тяжело – я до сих пор слышу сплетни одноклассников о том, что ты сделал. И мне по-прежнему трудно понять, как ты мог сделать это со своей студенткой... Мама сказала, что я должна ей докладывать, если ты попытаешься связаться со мной, но я приспособилась читать твои письма в школе. Продолжай писать мне – а я постараюсь, чтобы мама не узнала о нашей переписке.

Твоя дочь Меган.

Р. С. Я все еще сержусь на тебя... но и скучаю».

Прочитав эти строки, я закрыл лицо руками – и поймал себя на том, что всхлипываю. *Твоя дочь*. Этим все было сказано. После трех месяцев постоянных мыслей о том, что я навсегда потерял Меган, я наконец-то получил ответ, которого так ждал. *Я все еще сержусь на тебя... но и скучаю*.

Нажав на кнопку «*Ответить*», я написал:

«Дорогая Меган!

Я счастлив, что получил от тебя письмо. Ты права, что сердись на меня. Я и сам на себя сержусь. Я совершил большую глупость, но к тому времени, как я понял, что допустил страшную ошибку, ситуация уже вышла из-под контроля и я не мог ничего сделать, чтобы остановить эту лавину неприятностей. Однако ты должна знать, что люди воспользовались моей ошибкой в своих корыстных целях. Я не пытаюсь оправдать того, что сделал. Я несу всю ответственность за случившееся, и мне всегда будет горько от того, что я причинил тебе боль. Сейчас я просто радуюсь тому, что мы снова

общаемся, и обещаю писать тебе каждый день.

Я уверен, что очень скоро тебе станет легче в школе... и ты сможешь забыть прошлые обиды. Я понимаю, как тебе трудно скрывать от мамы, что мы переписываемся. Я надеюсь, со временем мы с твоей мамой сможем восстановить дружеские отношения, потому что уверен, ты тоже этого хочешь. Всегда знай, что ты постоянно в моих мыслях, и я всегда буду рядом, если тебе понадобится моя помощь. А пока обещаю писать тебе каждый день.

С любовью, папа».

Прежде чем отправить письмо, я перечитал его несколько раз. Мне хотелось убедиться, что в нем нет ноток жалости к самому себе, нет самооправданий и что, самое главное, оно передает дочери всю мою любовь к ней.

Когда я поднялся, чтобы уйти, мужчина в соседней кабинке оторвался от газеты и спросил:

– Плохие новости?

Я опешил – до меня дошло, что все это время он наблюдал за мной.

– Вовсе нет.

– Тогда почему вы плачете?

– От радости.

– Надеюсь, и завтра будут хорошие новости.

Но в последующие несколько дней от Меган не было ни весточки – хотя я и писал ей постоянно, стараясь выдерживать шуточный тон, рассказывая о своей жизни в *quartier*.

Ответ пришел только через три дня.

«Дорогой папа!

Спасибо за последнюю пару писем. Я была с классом на экскурсии в Кливленде... ску-у-ка... и приехала только вчера. Вечером зашла в твой кабинет и отыскала карту Парижа, посмотрела, где ты живешь. *Rue de Paradis* – мне нравится название. Мне пришлось проявить осторожность, чтобы пробраться в твой кабинет, потому что мама сказала, что туда вход воспрещен, но Гарднер его еще не занял...»

Гарднер. Точнее, Гарднер Гобсон. Человек, который помог погубить меня и заодно отобрал у меня жену. От одного вида этого имени, всплывшего на экране компьютера, меня затрясло так, что пришлось вцепиться в сиденье стула.

«Гарднер его еще не занял...»

Почему бы ему не отобрать мой кабинет, раз уж забрал все остальное?

Я стал читать дальше.

«Мне очень тяжело жить с Гарднером. Ты ведь знаешь, он раньше служил в авиации, и теперь постоянно твердит мне о том, что ценит „порядок, как на воздушном судне“. Если я, придя из школы, брошу куртку на лестнице или забуду убрать постель, это уже „не порядок“. Он бывает ничего, когда делаешь так, как ему нравится, и мама, кажется, *от него без ума...* но мне все равно трудно воспринимать его как отчима. Я все думаю о том, как классно было бы навестить

тебя в Париже, но знаю, что мама никогда не позволит этого... И к тому же я все еще не могу решить для себя, как к тебе относиться после того, что ты сделал. Мама сказала, что ты захотел развестись...»

Мама сказала:? Если учесть, что она связалась с Робсоном задолго до того, как моя история вышла на первые полосы газет, и я не раз умолял ее дать мне второй шанс... Моя бывшая жена искажила правду и потом потчевала нашу дочь этим враньем... Она вселила в Меган сомнения на мой счет, заставила поверить в то, что я от нее отказался....

Я продолжал читать:

«...и поэтому обманул ее с той студенткой. А потом, когда ситуация накалилась, сбежал за океан... Неужели это правда? Надеюсь, что нет.

Твоя дочь Меган».

Я так сильно ударил кулаком по столу, что бармен удивленно посмотрел на меня.

– Извините, извините, – сказал я.

– Плохие новости? – спросил он.

– Да. Очень плохие.

Щелкнув на «Ответить», я написал:

«Моя дорогая Меган!

Я совершил много ошибок в своей жизни и во многом виноват. Но я никогда – повторяю, *никогда* – не хотел развестись с твоей мамой. Это было ее решение, от которого я ее настойчиво отговаривал. Будь моя

воля, я бы по-прежнему жил в нашем доме с тобой и твоей мамой. Пожалуйста, пойми, что это твоя мама захотела расстаться, потому что очень разозлилась на меня... Но и она отчасти виновата в том, что все так произошло. Как бы то ни было, я хочу еще раз сказать тебе, что быть от тебя далеко, не видеть тебя каждый день – это безумно тяжело. И я живу одной лишь надеждой на то, что вскоре мы все-таки увидимся.

Люблю тебя, твой папа.

P. S. Прошу тебя, не обсуждай это с мамой. Если ты начнешь задавать вопросы, она может заподозрить, что мы общаемся. Больше всего мне не хочется прерывать нашу переписку».

Нажав на кнопку «Отправить», я повернулся к бармену и сказал:

– Еще раз прошу извинить, что стукнул по столу.

– Вы не первый. Здесь многие получают плохие новости.

Но, может, завтра будет что-то хорошее.

Парень оказался прав. Когда я вернулся на следующий день, то обнаружил ответ от Меган.

«Привет, папа!

Спасибо, что честно написал обо всем. Но я все еще в замешательстве. Кто же из вас говорит правду? Все равно мне приятно знать, что ты не хотел от нас уходить. Это многое значит для меня. И не беспокойся насчет мамы. Она никогда не узнает, что мы переписываемся. Только не переставай писать мне. Мне нравятся все твои письма.

С любовью, Меган».

То, что ее письмо заканчивалось «с любовью», было не просто «хорошей новостью». Это было лучшей новостью с тех пор, как случился весь этот кошмар. И я тут же написал ответ.

«Моя любимая Меган!

Это действительно не важно, кто из нас говорит правду. Главное то, что мы с тобой по-прежнему вместе. И, как я уже сказал вчера, уверен, что очень скоро мы увидимся.

С любовью, папа».

Когда я отправил письмо, была пятница, поэтому для меня не было ничего удивительного в том, что в выходные я не получил ответа. Дома у дочери был свой компьютер, но я понимал, насколько опасно было писать в субботу или воскресенье... Мало ли, ее мать или Робсон могли зайти к ней в комнату в тот момент, когда она открывает почту... Возможно, я чересчур осторожничал, но мне не хотелось ставить под угрозу нашу переписку и тем более доставлять Меган неприятности. Поэтому я поборол искушение написать ей – и окунулся в привычную рутину. Подъем в восемь, закупка продуктов, работа над романом, ленч, выход из дому в час тридцать пополудни, кино, возвращение домой к полуночи, таблетка снотворного с травяным чаем, сон... и неизбежное пробуждение в два часа ночи, когда пьяный Омар, возвращаясь домой, шумно мочился в сортире (этот ритуал

не знал сбоев). Зопиклон, однако, делал свое дело, и вскоре я снова проваливался в сон. Вот почему я каждый день мысленно благодарил доктора из гостиницы, который щедро прописал мне сто двадцать таблеток этого в прямом смысле сногшибательного лекарства.

Проснувшись поутру, я неизменно обнаруживал привет от Омара в виде загаженного туалета. После нескольких недель каждодневной уборки мое терпение лопнуло. Это случилось в тот день, когда я получил последнее письмо от Меган – и большую лужу мочи на полу туалета.

Я громко забарабанил в дверь соседа. Он открыл не сразу, но в конце концов появился на пороге в грязных трусах-боксерах и майке болельщика футбольного клуба «Милан», обтянувшей огромное брюхо.

– Чего надо? – спросил Омар заспанным голосом.

– Поговорить, – ответил я.

– Поговорить? О чем?

– О том, в каком состоянии ты оставляешь туалет.

– В каком еще состоянии? – переспросил он, и в его голосе зазвучали вызывающие нотки.

Я пытался выдержать спокойный тон:

– Послушай, мы оба вынуждены делить туалет...

– Мы делим туалет? – Его голос сорвался от ярости.

– Мы оба пользуемся *одним* туалетом в разное время.

– Ты хочешь, чтобы мы пользовались им вместе?

– Я хочу, чтобы ты поднимал стульчак, когда ссышь. И

еще я прошу, чтобы ты спускал после себя воду и пользовался ершиком, когда...

– Пошел в жопу, – сказал он и захлопнул дверь перед моим носом.

Мой опыт дипломатии оказался неудачным. На следующее утро я обнаружил, что Омар обоссал все, что можно... не только стульчак и стены туалета, но и дверь моей комнаты.

Я ринулся в контору Сезера. Качок впустил меня с хмурым видом. В общем, все как обычно.

– Есть проблемы? – спросил Сезер.

Я объяснил, что случилось.

– Возможно, это была кошка, – сказал он.

– Да уж, и прилетела она на ковре-самолете с полным мочевым пузырем. Это был Омар.

– У вас есть доказательства?

– А кто же еще?

– Я не Шерлок Холмс.

– Вы должны поговорить с Омаром, – сказал я.

– Если у меня нет доказательств, что это он нассал на вашу дверь...

– Может, вы хотя бы найдете кого-то, кто мог бы помыть дверь?

– Нет.

– Но как управляющий домом...

– Мы моем только коридоры. Следим за тем, чтобы

*éboueurs*⁵⁴ ежедневно вывозили мусор. Но если вы мочитесь на дверь...

– Я не мочился на дверь.

– Это ваша версия. Но, как я уже сказал, поскольку нет доказательств, я вынужден предположить...

– Ладно, проехали, – сказал я и направился к двери.

– Минуточку, – остановил меня Сезер. – У меня есть сведения об Аднане.

Я остановился в дверях.

– И что?

– Его арестовали месяц назад, как только он сошел с трапа самолета в Стамбуле. Оттуда его доставили в Анкару для вынесения официального приговора. Он получил пятнадцать лет.

Я услышал собственный голос:

– Это не моя вина. – И тут же пожалел о том, что сказал. Сезер сложил пальцы домиком и улыбнулся:

– А кто говорит, что это ваша вина?

В тот день я сам помыл дверь. И стены туалета. И снова до блеска начистил унитаз. Ночью, после того как Омар закончил свое шумное мочеиспускание, я поймал себя на том, что не могу заснуть. Хотя я и пытался найти рациональное объяснение случившемуся: Аднан много лет находился в бегах, и ему просто везло, что он не попадался полиции все это время, пока не приехал за мной в то злосчастное утро, –

⁵⁴ Мусорщики.

все равно не мог простить себе этого. Еще одна загубленная жизнь, и опять-таки по моей милости...

От бессонницы меня спасала работа. Я писал как маньяк: по пять страниц до рассвета, и все еще находился в самом начале пути – на странице тридцать пять будущего эпохального романа. Но мой главный герой, Билл, был уже девятилетним мальчиком. В настоящий момент он слушал, как собачатся его родители, распивая виски на кухне дома в Нью-Джерси.

Я как раз описывал эту сцену (и был очень доволен результатом), когда заметил протечку. Вода сочилась из-под шкафчика под умывальником. На линолеуме собралась небольшая лужица. Я подошел к шкафчику и открыл его. Причина протечки обнаружилась сразу: отклеилась лента, которой была замотана сточная труба. На полу я заметил несколько отодранных плиток. На одной из них лежал старый моток черного крепа. Я поднял его. Вместе с мотком приподнялась и плитка. Под ней обнаружился торчащий кусок пластика. Я потянул за уголок – и вытащил пластиковый пакет, спрятанный в ямке, грубо вырезанной в полу. В пакете оказались плотные связки банкнот, штук двадцать, каждая туго перетянута резинкой. Я развязал первую пачку. В ней были купюры по пять, десять и двадцать евро. Всего двадцать купюр, ровно на двести евро. Во второй пачке было еще тридцать банкнот, всего на тысячу евро. Следующая связка. Та же сумма. Когда все пачки были развязаны и купюры разло-

жены, до меня дошло, что я вижу перед собой четыре тысячи евро.

Серые пятна рассвета расплывались в ночном небе за окном. Я аккуратно скатал банкноты и сложил их обратно в пакет. Потом засунул пакет в дыру и прикрыл плиткой, после чего оторвал кусок клейкой ленты и замотал протекающую трубу. Покончив с этим, я сварил себе кофе и сел за стол. Уставившись в грязное окно, я думал о том, что оказался один на один с серьезной моральной дилеммой. *Четыре тысячи евро.* При моих нынешних расходах с этой суммой в Париже можно протянуть еще четыре месяца. Промолчать о находке очень легко. Тем более что Аднан заперт за решеткой в далекой Анкаре. Допустим, я промолчу – и получу бонус в виде лишних четырех месяцев... А что дальше?

Чувство вины, будь оно неладно... Жить с этим чувством я бы не смог.

Допив остывший кофе, я схватил свой блокнот и наспех набросал записку следующего содержания:

«Уважаемый мсье Сезер!

Я бы хотел связаться с женой Аднана, чтобы из первых уст узнать его ситуацию. Возможно, у вас есть ее почтовый или электронный адрес?

С дружеским приветом...»

И подписался.

Чтобы избавить себя от колебаний, я тут же вышел во двор и опустил записку в почтовый ящик конторы Сезера. Потом

вернулся в комнату, задвинул шторы, поставил будильник, разделся и наконец-то рухнул в постель.

Проснувшись в час дня, я заметил клочок бумаги, просунутый под дверь. Почерк был мелкий и корявый:

«Ее зовут мадам З. Пафнук. Электронный адрес: z.pafnuk@atta.tky. Она знает, кто вы и что произошло».

Записка была без подписи. Мсье Сезер явно оставлял себе пространство для маневра.

Я отправился в кино. Затем, возвращаясь в сумерках в свой *quartier*, заглянул в интернет-кафе. В почтовом ящике меня дожидалось сообщение.

«Гарри!

Школьный библиотекарь заметила, что Меган проводит слишком много времени за компьютером. Когда она спросила ее, в чем дело, Меган ответила, что просто бродит в Сети, но при этом очень нервничала. Библиотекарь информировала директора школы, который позвонил мне и выразил свое беспокойство насчет того, что у Меган, возможно, возникла нежелательная переписка с незнакомцем. Когда дочь пришла домой, я настояла на том, чтобы она рассказала мне правду. Она отказалась, поэтому я потребовала, чтобы почтовый ящик был открыт в моем присутствии. Вот тогда я и обнаружила твои письма к ней – она их аккуратно сохранила. Твои попытки снова пролезть в ее жизнь, сыграв роль заботливого отца, по меньшей мере отвратительны! Точно так же, как твои

жалкие потуги демонизировать меня. Есть только один человек, который виноват в том, что произошло: это ты.

Вчера вечером у меня состоялся долгий разговор с Меган, и я доходчиво объяснила ей, почему та твоя студентка покончила с собой. Наша дочь уже знала большую часть подробностей – все благодаря одноклассникам, которые не перестают сплетничать на этот счет. Но чего она не знала, так это того, насколько ужасно ты повел себя по отношению к несчастной девушке. И теперь Меган не хочет иметь с тобой никаких дел. Поэтому больше не пиши ей. Обещаю, она тебе не ответит. И знай: если ты вновь попытаешься установить с ней контакт, будут предприняты правовые меры воздействия и тебе навсегда запретят приближаться к нам ближе чем на милю.

Не трудись отвечать на это письмо. Оно будет уничтожено немедленно по получении.

Сюзан».

Я почувствовал, как меня колотит сильная дрожь, настолько сильная, что пришлось вцепиться в края компьютерного столика. *«Чего она не знала, так это того, насколько ужасно ты повел себя по отношению к несчастной девушке»*. Еще одна ложь, изобретенная Робсоном в ходе кампании по моему уничтожению. *«И теперь Меган не хочет иметь с тобой никаких дел»*. Сдавив глаза пальцами, я отчаянно пытался сдержать подступившие слезы.

Когда мне удалось немного успокоиться, я опустил руки и

увидел, что за мной наблюдает молодой бородач-бармен. Мы встретились взглядами, и он отвернулся, смущенный тем, что оказался невольным свидетелем моего горя. Я вытер глаза и подошел к бару.

– Выпьете? – спросил он.

– Эспresso, пожалуйста, – ответил я.

– Опять плохие новости?

Я кивнул.

– Может, все наладится...

– Только не на этот раз.

Бармен приготовил кофе и поставил передо мной. Потом потянулся к бутылке виски и плеснул в рюмку маленькую дозу.

– Вот, выпейте, – сказал он.

– Спасибо.

Виски обожгло внутренности, но я тут же ощутил его расслабляющий эффект. Осушив следующую порцию, заботливо налитую барменом, я спросил:

– Вы говорите по-турецки?

– Зачем вам это? – удивился он.

– Мне нужно написать письмо на турецком...

– Что за письмо?

– Личное.

– Я не переводчик.

– Всего три строчки.

Пауза. Я видел, что он изучает меня, недоумевая, с чего

это вдруг мне понадобилось писать кому-то по-турецки.

– Как вас зовут? – спросил он.

Я назвал себя и протянул ему руку для пожатия.

– Я – Камаль, – сказал он. – А этот перевод – действительно три строчки?

– Да.

Он подвинул мне блокнот:

– Хорошо, пишите.

Я взял огрызок карандаша, что лежал поверх блокнота, и быстро написал по-французски (текст сложился в голове с момента послеполуденного пробуждения):

«Уважаемая миссис Пафнук!

Я – новый жилец комнаты, в которой раньше проживал Аднан. Я просто хотел узнать, не оставлял ли он что-то из личных вещей, что нужно было бы переслать вам. Пожалуйста, передайте ему от меня наилучшие пожелания и скажите, что я очень благодарен ему за доброту и заботу. Я часто вспоминаю Аднана и готов оказать любую посильную помощь его семье».

Вместо подписи я указал адрес своей электронной почты.

– Здесь пять строчек, а не три, – сказал бармен, пробежал текст глазами и еле заметно улыбнулся. – У вас есть электронный адрес? – спросил он.

Я вручил ему клочок бумаги, который мне подсунули под дверь.

– Хорошо, – сказал он. – Я сделаю.

Парень сел за компьютер. Прошло несколько минут.

– Отправлено, – наконец сказал он.

– Сколько я вам должен?

– Один евро за кофе, виски за счет заведения.

– А за перевод?

– Ничего.

– Вы уверены?

– Я знал Аднана.

– Вот как... – опешил я.

– Не беспокойтесь, – тихо произнес он. – Я знаю, вы не виноваты.

Но мне от этого было не легче.

Я боролся с искушением отправить Меган еще одно письмо, но решил, что теперь-то уж она наверняка передаст его матери, а Сюзан не будет тянуть с судебным иском. Чтобы бороться с ней в суде, у меня не было денег... как и шансов вновь увидеть дочь после вынесения решения.

Оставь надежду. Твоя бывшая жена сделала все, чтобы Меган презирала тебя до конца жизни.

Следующие несколько дней прошли в тумане депрессии – я по-прежнему крутился как заведенный, но оставался совершенно безучастным к происходящему. В голове прочно засела мысль о том, что связь с Меган оборвалась навсегда. И все же я по-прежнему проверял почту – а вдруг Меган не

послушалась матери и рискнула написать мне? Но ящик был пуст... пока, примерно через неделю, я не обнаружил в нем ответ от миссис Пафнук. Письмо было на турецком, и Камаль вновь помог мне с переводом.

«Уважаемый мистер Рикс!

Я была очень рада вашему письму. Так же, как и Аднан, которого я вчера навещала. Он сказал, что условия ужасные, но ему ничего не остается, кроме как пытаться не сойти с ума и дожидаться окончания срока. Он посылает вам большой привет и просит передать его заверения в дружбе. Он надеется, что вы внимательно осмотрите его комнату и найдете тайник, где он спрятал кое-что особенное. Он чувствует, что вы уже нашли это и знаете, о чем идет речь, но по понятной причине проявляете осторожность. Пожалуйста, напишите мне, нашли ли вы то, на что надеется Аднан. Еще раз передаю вам большую благодарность от моего мужа за вашу помощь и его дружеский привет.

Искренне ваша, миссис З. Пафнук».

Камаль дочитал письмо по-французски и, поджав губы, произнес:

– Похоже, она наняла местного писаря в своей деревне, чтобы тот написал это за нее.

– С чего вы взяли? – удивился я.

– Аднан говорил, что она едва умеет читать и писать. Он приходил сюда пару раз в неделю, чтобы написать ей, и всегда диктовал мне текст, потому что и сам был полуграмот-

ный.

– Выходит, вы тоже здесь за местного писаря?

– Если открываешь интернет-кафе в таком *quartier*, как этот, будь готов к тому, что придется писать письма для многих. Но на следующий год этого кафе уже не будет. Через девять месяцев аренда заканчивается, а я знаю, что хозяин дома уже вдвое повысил плату. Его можно понять: *quartier* меняется, возвращаются французы...

– Богатые французы? – спросил я.

– *Bien sûr*⁵⁵. *Bobos*⁵⁶. Они скупают все в Десятом округе и взвинчивают цены на недвижимость. Вот увидите, года через полтора на этом месте будет шикарный ресторан или бутик, торгующий эксклюзивным мылом. А через пару лет турок здесь можно будет встретить лишь среди официантов.

– А вы что будете делать? – спросил я.

– Выживать, *comme d'habitude*⁵⁷. Вы хотите ответить на это письмо?

– Да, – сказал я и, схватив блокнот с компьютерного столика, набросал:

«Уважаемая миссис Пафнук!

Я нашел то, что оставил Аднан. Как мне переслать это вам?

Искренне ваш».

⁵⁵ Конечно.

⁵⁶ Обеспеченная публика востока Парижа.

⁵⁷ Как обычно.

Прочитав записку, Камаль спросил:

– Сколько денег вы нашли?

– Откуда вы знаете, что это деньги? – снова удивился я.

– Не бойтесь. Я не приду к вам сегодня ночью, не стукну по голове молотком и не отберу капитал.

– Приятно слышать.

– Так большая сумма?

– Приличная, да.

Он посмотрел на меня с уважением.

– Вы благородный человек...

– Нет, – ответил я. – Вовсе нет.

Ответ от миссис Пафнук пришел через два дня. Она попросила меня переправить «посылку» через «Вестерн Юнион». («Я поеду к Аднану в воскресенье и смогу забрать»).

Камаль перевел мне письмо и сказал:

– Офис «Вестерн Юнион» есть на бульваре де ла Ви-летт, возле станции *métro* Бельвиль.

– Я прямо сейчас туда и отправлюсь.

– Ну ладно, чего уж там. Скажите мне, сколько денег вы нашли?

Я замялся.

– Мне просто любопытно...

– Четыре штуки, – сказал я.

Он присвистнул.

– Должно быть, вы очень богаты, раз решили сообщить жене Аднана о такой находке...

– Если бы я был богат, – прервал я его, – я бы вряд ли жил в *chambre de bonne* на улице де Паради.

– Это верно, – согласился Камаль. – Ну, тогда вы точно дурак.

Я улыбнулся.

– Круглый дурак!

Вернувшись к себе, я полез под умывальник, отодвинул плитку и достал пластиковый пакет. Потом набил карманы джинсов и кожаной куртки связками денег. Я чувствовал себя настоящим наркодилером! Было около пяти вечера. Сгущались сумерки, и я почти бежал, с ужасом представляя, какой жестокий подарок может преподнести мне судьба в лице первого встречного бродяги, который увидит во мне подходящую жертву и сорвет свой джекпот. Однако ничего такого не произошло. В маленьком офисе «Вестерн Юнион» девушка за стойкой – негритянка с безучастным лицом и глазами, выдававшими ее подозрительность, – молча наблюдала, как я выуживаю из карманов одну за другой связки банкнот. Пересчитав деньги, она сообщила, что стоимость перевода в Анкару составит сто десять евро, и спросила, хочу ли я вычесть эту сумму из четырех тысяч.

Мне бы очень хотелось, но...

– Нет, – сказал я. – Я доплачу сверху.

Покончив с переводом, я вернулся в кафе Камалья и попросил его отправить миссис Пафнук номер, который ей тре-

бывалось знать для получения денег. Отправив сообщение, он встал из-за компьютера, прошел к бару и выставил на стойку бутылку виски «Джонни Уокер».

– Давайте выпьем за вашу честность и... за вашу глупость!

В течение часа мы уговорили почти всю бутылку. Давно уже я так не напивался, и ощущение было чертовски приятным. Камаль рассказал, что родился в Стамбуле, но приехал в Париж тридцать лет назад, пятилетним мальчиком.

– Мои родители были легальными иммигрантами, так что никаких проблем с властями. Но вот французская школа в Сен-Дени стала для меня настоящим кошмаром. Я ни слова не знал по-французски. К счастью, как и половина детей в школе. Но все-таки я довольно быстро освоил язык – деваться было некуда. А теперь... теперь у меня французский паспорт.

– Так вы, выходит, француз?

– Я ощущаю себя французом. Но французы по-прежнему видят во мне *immigre*⁵⁸. Здесь навсегда остаешься чужаком, если только ты не коренной француз. Это не то что в Лондоне, где все чужаки, включая англичан, – вот уж где настоящая мешанина. А в Париже французы держатся французов, североафриканцы – североафриканцев, турки – турок. *Tant pis*⁵⁹. Мне лично все равно. Так уж устроен здешний порядок.

Камаль не слишком откровенничал о себе. Сказал только,

⁵⁸ Иммигрант.

⁵⁹ Ничего не поделаешь.

что у него есть жена и двое маленьких детей, но упомянул о них вскользь. Когда я спросил, как зовут детей, он сразу же сменил тему, поинтересовавшись, чем я занимался в Штатах. Услышав, что мой брак недавно распался, он спросил:

– А кто была та, другая женщина?

– Это длинная история...

– Где она сейчас?

– Это другая длинная история.

– Вы не очень-то разговорчивы.

– Так же, как и вы.

Мой собеседник еле заметно улыбнулся:

– Так чем вы теперь занимаетесь?

– Пытаюсь стать писателем.

– Это приносит доход?

– Никакого.

– Но как же вы живете?

– Очень скромно. Ровно через шесть недель мои денежные запасы иссякнут.

– И что тогда?

– Понятия не имею.

– Вы ищете работу?

– У меня нет *carte de séjour*⁶⁰, к тому же американцам очень трудно получить здесь разрешение на работу.

– Вы могли бы поспрашивать в разных университетах и колледжах.

⁶⁰ Вид на жительство.

Нет, не мог – потому что там сразу начнут проверять мое прошлое и в первую очередь затребуют рекомендации из колледжа, где я преподавал в течение десяти лет. И стоит им узнать, что произошло...

– Это проблема, – сказал я.

– Понимаю, – тихо произнес Камаль и потянулся к пачке сигарет. – Выходит, дела у вас плохи?

– Можно и так сказать.

– Что ж... может, вас интересует какая-то работа?

– Как я уже сказал, я нелегальный...

– Это не имеет значения.

– Почему?

– Работа, которую я собираюсь вам предложить, тоже не совсем легальна, вот почему.

Работа была непыльной.

– Это должность ночного сторожа, – сказал Камаль. – Вы приходите в офис, сидите там, читаете, пишете, можете даже принести с собой радио или телевизор, если захотите. Приходить надо в полночь, уходить в шесть утра. Вот и все.

– Не может быть, чтобы это было «все», – возразил я. – Наверное, что-то еще...

– Ничего, кроме того, что я сказал.

– И что за контора? Каким бизнесом она занимается?

– А вот это вас уже не касается.

– Выходит, бизнес нелегальный?

– Как я уже сказал, вас это не касается.

– Наркотики?

– Нет.

– Оружие?

– Нет.

– Сексуальное рабство?

– Нет.

– Оружие массового поражения?

– Бизнес, о котором идет речь, всего лишь *бизнес*. Но, чтобы вас не мучили вопросы об этом *бизнесе*, лучше ничего о нем не знать.

– А если нагрянут копы?

– Этого не случится. Потому что они не знают о его существовании.

– Тогда зачем вам – *им* – нужен ночной сторож?

– Потому что нужен. *Им*. И на этом разговор окончен. Пожалуйста, друг мой, если у вас есть сомнения, лучше отказаться, пусть это и стоит триста евро за шестидневную неделю...

– Пятьдесят евро за ночь?!

– Ваши математические способности впечатляют. Выходит чуть больше восемнадцати евро в час – и делать ничего не нужно. Будете сидеть за столом, снимать трубку домофона в тех редких случаях, когда кто-нибудь позвонит, и впускать посетителей. Вот и все.

Разумеется, это было *не все*. Я знал, что за предложением Камала стоит нечто противозаконное. А раз так – я рискую оказаться в потенциально опасной ситуации с угрозой для собственной свободы. Но куда сильнее моих сомнений была утешительная мысль: *теперь уж все равно*. Если у тебя отобрали самое дорогое, стоит ли переживать о том, что опускаешься еще ниже?

Теперь уж все равно... Какое облегчение несет эта мысль. *Теперь уж все равно, поэтому и рисковать нечем. Тем более что нужны деньги.*

– Я бы предпочел шестьдесят пять евро за ночь, – сказал я. Легкая улыбка Камала. Он понял, что я сдался.

– Я уверен, что с этим выйдет, – сказал он.

– Я действительно не соглашусь на меньшее.

– Вы согласитесь на эту работу за любые деньги, – ответил он.

– Не обольщайтесь.

– Согласитесь. Выбора у вас нет.

В голосе турка не было ни враждебности, ни торжества – лишь спокойное подтверждение истины. Я промолчал. Камаль снова наполнил мой стакан. Виски прошло, не обжигая, – моя глотка уже получила анестезию после выпитого ранее.

– Не надо так волноваться, – сказал Камаль, закуривая сигарету.

– Я и не думал волноваться.

– Вы в постоянном напряжении. Идите домой, проспите и завтра вечером, к шести часам, приходите сюда. К тому времени у меня будут новости.

Я вернулся, как было сказано, следующим вечером. Камаль – как всегда с телефоном в руке – жестом показал мне на компьютер. Меня дожидалось электронное сообщение. Это было письмо от жены Аднана. Закончив разговор, бармен перевел его для меня.

«Уважаемый мистер Рикс!

Деньги поступили сегодня утром. Я была поражена суммой – еще раз выражаю вам огромную благодарность за то, что вы сделали. Эти деньги буквально спасли нам жизнь. Да благословит Господь

вас и ваших близких!»

Нет у меня никого из близких.

– Вы сделали доброе дело, – сказал Камаль. – А добрые дела всегда вознаграждаются.

– Не всегда.

– Вы большой циник. Но в данном случае это правда. Вы получите свои шестьдесят пять евро за ночь. Хозяин поначалу сопротивлялся.

– А кто хозяин?

– Эта информация не представляет для вас интереса.

– Ладно, – кивнул я. – Когда приступать к работе?

– Сегодня ночью, если вас устроит.

– Отлично.

– Будьте здесь в половине двенадцатого, я отведу вас.

– Далеко отсюда?

– Нет.

– А как я буду получать деньги?

– Каждый день, после часу дня, вас будет ждать конверт. Здесь вы заканчиваете работу в шесть утра, так что за жалованьем приходите, как проснетесь. Кстати, хозяин сказал, что вы должны работать шесть дней в неделю, но, если вы хотите седьмой день...

– Хочу.

– Договорились.

– Я могу брать с собой компьютер и книги?

– Берите все, что вам понадобится, чтобы не уснуть. По-

верьте, делать ничего особенного не придется.

Расставшись с Камалем, я спустился по Фобур Сен-Мартен и за тридцать евро приобрел маленький транзистор – он пригодится мне на... работе. Потом я вернулся к себе, открыл банку с супом, отрезал кусочек сыра, хлеб и съел свой незатейливый обед под музыку Берга и Бетховена на «Франс-Мюзик». Через час я заварил целый кофейник кофе и весь выпил. Мне предстояла длинная ночь.

В интернет-кафе я вернулся с поклажей – в моей сумке лежали лэптоп, транзистор, блокнот с ручкой и роман Сименона «Три комнаты на Манхэттене» на французском. Камаль уже закрывался. Увидев меня, он полез в холодильник и достал две большие бутылки минеральной воды «Эвиан»:

– Вот, пригодится ночью.

Мы вместе вышли на улицу. Камаль опустил стальные ставни, достал из кармана ключи, запер висячий замок и жестом показал следовать за ним вниз по улице де Птит Экюри.

– Идти недалеко, – сказал он.

В конце улицы мы свернули на Фобур-Пуассоньер, перешли на другую сторону, прошли мимо бутика какой-то марки мужской моды... Я хорошо знал этот участок, поскольку он находился прямо за углом моего дома. Однажды я купил здесь в греческом сувлаки-баре сэндвич (по счастью, остался жив) и как-то даже побаловал себя комплексным обедом за семь евро в *traiteur asiatique*⁶¹. Но я никогда не обращал

⁶¹ Азиатский трактир.

внимания на подворотню по соседству с этой забегаловкой на четыре стола. В глубину двора вел туннель, настолько узкий, что в него мог протиснуться разве что обладатель стройной фигуры. Туннель упирался в стальную дверь, над которой висела камера видеонаблюдения; порог освещал точечный светильник. Рядом с дверью была панель домофона.

Камаль набрал шестизначный номер. Нажимая кнопки, он сказал:

– Код 163226. Запомните, но только не записывайте.

– Почему нельзя записать?

– Потому что я не хочу, чтобы вы это записывали. 1–6—3—2–2—6. Запомнили?

Я повторил вслух, потом еще раз, чтобы убедиться, что запомнил.

– Хорошо, – сказал он, когда щелкнул замок и дверь открылась.

Мы зашли в коридор, освещенный одинокой голой лампочкой. Некрашенные бетонные стены. Такой же и пол. Прямо перед нами была лестница. Шагах в двенадцати от нее еще одна стальная дверь. За ней я расслышал тихий гул – механический? может, оборудование? – и какие-то изредка прорывавшиеся голоса. Но звуки были смазанными. Я напряг слух, в это время Камаль положил мне руку на плечо:

– Нам наверх.

Лестница привела нас к другой стальной двери. Она открывалась двумя ключами. Разобравшись с замками, Камаль

навалился на дверь и толкнул. Мы оказались в маленькой, десять на десять, комнатке. Как и в коридоре, стены здесь были из некрашеного бетона. Из обстановки лишь выдавший виды металлический стол и стул с прямой спинкой. На углу стола – монитор системы видеонаблюдения. Я увидел зернистую картинку подворотни. Возле монитора лежали микрофон и пульт. Из комнаты выходили две двери. Одна из них была открыта, демонстрируя интерьер старомодного туалета. Справить большую нужду в таком можно было лишь сидя на корточках. Туалет тоже был некрашенный и, похоже, без света. Другая дверь была деревянная и запиралась на щеколду. В комнате не было окон, а единственный радиатор мало что давал в смысле обогрева.

– Вы полагаете, что я могу здесь работать? – спросил я.

– Это вам решать.

– Но это же настоящая дыра – холодная дыра без света...

– Радиатор можно врубить на полную мощность.

– Но мне нужен еще какой-нибудь источник тепла.

– Хорошо, можете купить электрический обогреватель...

– И настольная лампа...

– Отлично, покупайте. Так вы приступаете к работе?

Я огляделся, размышляя. *Ему нужен загнанный в угол лужер, не задающий лишних вопросов. И тебя он вычислил как идеального кандидата.*

– Хорошо, я приступаю сегодня, но мне нужна некоторая наличность, чтобы я смог купить краску и необходимую

утварь...

– Если вы хотите покрасить комнату, вам придется заниматься этим в рабочее время.

– Меня это устраивает. Но разве днем никто не пользуется комнатой? У вас нет сторожа на утренние часы?

– Вас это не касается, – сказал Камаль и, сунув руку в карман, извлек оттуда внушительную пачку денег. Выудив три банкноты по пятьдесят евро, он вручил их мне.

– Этого должно хватить на краску, кисти, обогреватель и лампу. Только, пожалуйста, предоставьте чеки. Хозяин очень щепетилен в отношении расходов.

Я кивнул. Камаль закурил и продолжил:

– Теперь о том, в чем, собственно, заключается ваша работа. Вы приходите сюда каждый день к полуночи. Заходите в эту комнату. Запираете за собой дверь. Потом садитесь за стол и делаете все, что хотите, до шести утра, но только постоянно следите за монитором. Если увидите, что кто-то слоняется по подворотне, нажимаете на пульте «22». Это будет сигнал, предупреждающий о том, что у двери посторонний. Проблемой займутся специальные люди. Если посетитель подойдет к двери и позвонит в домофон, сигнал поступит сюда, к микрофону. Вы нажмете «11» и произнесете одно слово: «*Oui?*»⁶². Если это санкционированный посетитель, он ответит: «*Я к мсье Между*». Получив этот ответ, вы нажмете кнопку «Вход» на пульте, и дверь откроется. Затем

⁶² Да?

надо нажать кнопки «2» и «3» – люди внизу получат сигнал о том, что к ним направляется посетитель.

– И что будут делать «люди внизу»?

– Они встретят гостя. Слушайте дальше. Если позвонивший человек ничего не скажет или скажет что-то другое, вам надо нажать кнопки «2» и «4». Это будет сигналом о том, что явился нежелательный гость. Опять-таки, люди внизу займутся этим.

– Похоже, люди внизу опасаются незваных гостей...

– Повторяю еще раз. То, что происходит внизу, вас не касается – и *никогда* не коснется. Поверьте, друг мой, так будет лучше.

– А, скажем, если во дворе появятся копы...

– Не проблема, – кивнул Камаль, подошел к двери рядом с туалетом и откинул щеколду. – Эта дверь никогда не запирается. Если увидите на экране монитора копов, просто выйдете через нее. С другой стороны двери имеется засов – очень крепкий. У вас в запасе будет несколько минут, поскольку копам придется вышибать дверь. К тому времени вы уже выйдете из здания. Черный ход ведет в подвал. А там дверь, за которой проход в соседнее здание. Выйдя оттуда, вы окажетесь на улице Мартель. Копы даже не догадаются.

– Это безумие, – выдавил я.

– Тогда откажитесь.

– Дайте мне слово, что все происходящее внизу не является аморальным и преступным...

– Могу только сказать, что преднамеренного вреда никому не причиняется, – ответил Камаль.

Я немного помолчал, сознавая, что решение надо принять здесь и сейчас. Потом спросил:

– А мне лично не придется ни с кем пересекаться?

– Нет. Вы приходите в полночь, уходите в шесть утра. Сидите в этой комнате. Никуда не выходите. Людей, которые заходят, вы видите только на экране монитора. Они вас не видят. Все очень элегантно.

– Хорошо, – сказал я, – по рукам.

– Вот и славно, – улыбнулся Камаль.

Еще раз проинструктировав меня насчет кнопок, которые надо нажимать, и вручив мне связку ключей, он произнес:

– Одна только просьба, мой друг. Вы должны приходить сюда строго к полуночи и уходить ровно в шесть. Это жесткое условие. Форс-мажорным обстоятельством можно считать только появление полиции.

– Да-да, я все понял. Уйду раньше – превращусь в тыкву, так?

– Что-то вроде того, – снова улыбнулся Камаль. – *D'accord?*⁶³

– *D'ac*⁶⁴

– Так вам все понятно?

– Да, – солгал я. – Все предельно ясно.

⁶³ Договорились?

⁶⁴ Договорились (сокращенная форма).

В ту, первую, ночь ничего не произошло. Я включил лэптоп. Немного походил, не выпуская из поля зрения монитор. Потом сел, настраиваясь на работу. Передо мной стояла задача написать свои пятьсот слов. Это было нелегко, особенно в такой обстановке. Вскоре я замерз, хотя радиатор был включен на полную мощность. Холод и два выпитых литра «Эвиан» заставили меня несколько раз сбегать в туалет помочиться (ладно еще, что меня не тянуло очистить кишечник – проделать это стоя я бы не сумел). В третьем часу я почитал Сименона – печальную мрачноватую сказку о французском актере, который мечется в ночном мире Нью-Йорка пятидесятых, пытаясь пережить развод с женой. Часа в четыре утра меня сморил сон. Проснулся я очень скоро, ужасаясь, что мог пропустить что-то важное. Но на экране ничего не изменилось – та же дверь, та же лампочка над ней; картинка была по-прежнему нечеткой, как фотография из далекого прошлого.

Я еще почитал...

Еще походил...

Набросал список покупок (краска, обогреватель, лампа).

Время, казалось, не двигалось...

Ровно в шесть я открыл дверь, погасил свет в комнате, закрыл дверь с другой стороны и запер ее на замок.

Спустившись вниз, я постоял несколько секунд, пытаюсь расслышать звуки за массивной стальной дверью в конце бетонного коридора. Ничего...

Тогда я открыл входную дверь. На улице было еще темно, воздух, пропитанный ночной сыростью, лишь усилил озноб, и без того уже доставший меня за те шесть часов, что я просидел в этом склепе.

Запирая дверь, я озирался по сторонам на случай, если вдруг кто-то дожидается меня, чтобы проломить голову. Но в подворотне не было ни души.

Я управился с замками и быстрым шагом выбрался на улицу. Ни копов, ни злодеев в куртках и масках, желающих перекинуться со мной парой слов. Улица дю Фобур-Пуассоньер была пустынна. Свернув налево, я двинулся домой. По дороге пришлось сделать небольшой крюк в сторону, к маленькой *boulangerie* на улице Монтолон, но это меня не озаботило. Я проголодался. В булочной я купил парочку *pains au chocolat*⁶⁵ и багет. Один круассан я съел на ходу.

Придя в свою *chambre*, я принял обжигающе горячий душ в надежде согреться. Потом переоделся в футболку и пижамные брюки, приготовил себе чашку горячего шоколада. Вкус показался мне роскошным. Как и второй *pains au chocolat*.

Позавтракав, я опустил жалюзи. Поставил будильник на два часа дня. И уснул, едва коснувшись подушки.

Проспал я до самого звонка будильника. Непривычно бы-

⁶⁵ Круассаны с шоколадной начинкой.

ло просыпаться после полудня и тем более сознавать, что снова лечь в постель не светит до шести часов следующего утра. Но меня ждали неотложные дела – так что пришлось встать и уже через десять минут выйти из дому. К моему огромному облегчению – все-таки сидевший во мне параноик сомневался, что мне вообще заплатят, – в интернет-кафе лежал конверт. Как и договаривались, в нем было шестьдесят пять евро.

– А где Камаль? – спросил я у парня за прилавком – тихого угрюмого бородача лет под тридцать с отметиной на лбу, выдающей в нем истового мусульманина, по нескольку раз на дню падающего ниц в направлении Мекки.

– Понятия не имею, – ответил он.

– Пожалуйста, передайте ему, что я забрал конверт. И мою благодарность...

Магазин, торгующий красками, находился на улице дю Фобур-Пуассоньер. Там я купил две большие банки светлой эмульсии, ведро, комплект валиков, банку белого лака, кисть и большую бутылку растворителя. Лучше было бы сразу доставить все это добро в «мой офис», но приходилось подчиняться правилу «до полуночи не приходите». Поэтому я за два раза перенес покупки домой, после чего отправился к уже знакомому камерунцу, у которого когда-то приобрел постельное белье и домашнюю утварь. Как и следовало ожидать, на складе у парня был припасен электрический обогреватель – специально для меня и всего за тридцать евро.

Вечером мне предстояло решить непростую задачу: как донести свой скарб до офиса. Часов в одиннадцать я вышел на разведку. Дойдя до подворотни, я обнаружил большую трещину в стене: она была забита мусором и экскрементами животных. Это меня не смущало – главное, щель идеально подходила для моих нужд. Вскоре я вернулся с двумя банками краски и старыми газетами. Устилая газетами тайник – мне не хотелось, чтобы к банкам и всему остальному прилип крысиный помет, – я едва не задохнулся от нестерпимой вони фекалий, но выбора у меня не было. Через несколько ходок все необходимое оказалось на месте.

До полуночи еще оставалось время. Чтобы скоротать его, я уселся в баре на улице де Паради с кружкой пива. Бар больше напоминал третьеразрядную забегаловку: грязные пластиковые столы, музыкальный автомат, извергающий пошлый французский рок, битая цинковая стойка, барменша-турчанка в джинсах не по размеру, рядом с ней за стойкой угрожающего вида бугай, покрытый татуировками. Из посетителей – троица отморожков за столиком в углу и какой-то бегемот в изрядном подпитии, нависший над барной стойкой. Перед ним стоял стакан мутноватой жидкости, явно алкогольной (пастис? ракия? «Бейлиз»?). Присмотревшись, я обнаружил, что это Омар. До него не сразу дошло, кто перед ним, но потом в мутных глазах засветилось узнавание.

– Чертов американец, чертов американец, чертов амери-

канец... — завел он на английском на одной ноте. Потом перешел на французский: — *Il apprécie pas comment je chie*⁶⁶.

Вылив содержимое стакана себе в глотку, сосед достал свой французский паспорт и начал вертеть им перед моим носом:

⁶⁶ Ему не нравится, как я сру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.